

АНТОНИЯ ТАУБЕ
ОЛИВИЯ ТАУБЕ

Убить археолога

Антония Таубе
Убить археолога

«Издательские решения»

Таубе А.

Убить археолога / А. Таубе — «Издательские решения»,

Что такого удивительного может найти археолог, за что его хочется убить? Волею случая попадает археолог в деревню Каннибаловка и оказывается втянут во все события местного масштаба — от мистических до любовных и откровенно угрожающих жизни. Просто откройте книгу и наслаждайтесь чтением!

Содержание

Часть 1. Вынужденная командировка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Убить археолога Антония Таубе Оливия Таубе

Все совпадения имен и фамилий в книге являются вымышленными

*Есть многое на свете, друг Горацио
что и не снилось нашим мудрецам.
В. Шекспир, «Гамлет», акт 1, сцена 5,
перевод Михаила Вронченко, 1828 г.*

© Антония Таубе, 2016

© Оливия Таубе, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Вынужденная командировка

Худосочный молодой бес с шикарным именем Коряга хорошо прижился на чердаке высотного здания главпочтамта, расположенного на одной из главных улиц города. Из чердачного окна открывался прекрасный обзор на панораму города и на столь не любимую всеми бесами величавую статую Георгия Победоносца. Была она для всего бесовского племени как бельмо в глазу, но скovyрнуть с места ненавистную статую не было никакой возможности, поэтому приходилось просто смириться с этим фактом. А во всём остальном – этот чердак Корягу очень даже устраивал!

Корягой сего индивидуя прозвали за то, что, во-первых, профессиональная специфика обязывает, а во-вторых, потому что он предпочитал восседать или возлежать на всевозможных выкорчеванных пнях, на кучах мусора, на поломанных заборах, на поваленных бурей деревьях и прочих *корягах*. Многих из его собратьев удивляли такие предпочтения, а вот ему – нравилось это! Коряга в глубине души полагал, что это оттого – что натура у него тонкая, необычная, не то, что у прочих грубиянов неотёсанных, потому что он не такой, как другие, поэтому и вкусы у него отличаются от всех прочих. Так что на ажурных скамеечках да на трубах канализации пусть обитают неудачники! Был Коряга молодой, самонадеянный бес, с залихватски закрученным кокетливым хвостиком и нежным поросычьим пяточком на бесцветной физиономии, однако сам себе казался едва ли не Аполлоном своего рода и племени! Ну, или уж хотя бы – Нарциссом!

Вот и сейчас, удобно устроившись на высоченной куче спиленных стволов, сучьев и веток, наваленных здесь после обрезки деревьев в близлежащих дворах, – грамотный Коряга не торопясь просматривал утренние газеты и наслаждался запахом типографской краски.

Газетные новости целительным бальзамом изливались на нежное сердце Коряги, наполняли душу тихой радостью и вызывали улыбку умиления. Да и как было не радоваться! Чуть ли не ежемесячные повышения тарифов ЖКХ, чуть ли не еженедельное повышение цен на продукты и прочие товары первой необходимости, замораживание пенсий, землетрясение и даже – ах, какая прелесть! – угроза из космоса! Жизнь, несомненно, становится всё лучше! Та-а-ак... Что же – газетки порадовали, теперь можно и письмами заняться!

Бес бережно сложил газеты – уголок к уголку, краешек к краешку, и мгновенно нырнул на первый этаж почты, в отдел доставки писем. Потому что любимым развлечением беса – читать чужую переписку. Это было так интересно, так увлекательно, как ни в одной книге не вычитаешь, причём – каждый раз нечто новое и неожиданное! Короче говоря – бесконечный увлекательный роман!

Те конверты, в которые была вложена реклама, журналы мод, повестки в суд, скучная деловая корреспонденция, а также письма из налоговой инспекции – Коряга сразу пропускал, поскольку этот хлам не представлял для него никакого интереса. Вот то ли дело – письма из тюрем, переписка влюблённых, либо какие-нибудь смутные истории, которыми люди торопились поделиться друг с другом! Вот тут-то азартная натура Коряги могла натешиться вволю! Да мало ли чего ещё интересного и полезного можно было выудить невзначай из этих стандартных конвертиков!

А ещё Коряга любил немножко пошалить и пошутить, вот такой уж он был весёлый бес! Правда, шутки у него были несколько специфического свойства и нередко заканчивались для отправителя и получателя письма крупной ссорой или хотя бы глубокой обидой, но это уже, как говорится, обратная сторона медали, и сейчас не об этом речь пойдёт. А шуточки его заключались вот в чём – достаточно было распечатать понравившееся Коряге письмо, да и дописать там какую-нибудь фразочку, или наоборот стереть кое-какие строки так, чтобы смысл письма менялся до неузнаваемости, затем аккуратненько заклеить всё как было, и пускай идёт доро-

гое письмецо по указанному адресу! Тут уж Коряга мог натешиться вволю! Вот где была веселуха-то! А что, скажете – нет? Да вы бы только видели, как меняется выражение лица человека, который с нетерпением вскрывает долгожданный конверт, а через минуту раздаётся его рассерженный возглас: «Какого чёрта?..» Ой, умора! И театра никакого не надо! Животик надорвёшь от смеха!

А ещё любил Коряга нашептывать какому-нибудь почтовому работнику, чтобы тот чужую посылочку вскрыл да и побаловал немножко себя любимого её содержимым, особенно если посылочка шла из-за границы. Тоже потеха была ещё та! Но это милое хобби было... так... невинным развлечением! Хотя тоже доставляло немало приятных минут! Вот такая весёлая натура была у этого беса.

...И довольный Коряга откладывал на своих огромных счётах очередную костяшку, указывающую на объём проделанной им вредительской работы. Учёт, отчётность и прочее бумагомарание – это, конечно, рутина и тягомотина, и никому не приносит удовольствия, но в наш век технического прогресса даже бесы не освобождены от этих обязанностей, и ничего уж тут не поделаешь! Во всём должен быть порядок!

Вот и в сегодняшнее прекрасное утро Коряга полностью погрузился в увлекательное чтение чужих писем, даже не подозревая, с чем ему придётся столкнуться на этот раз!

А на тот раз его внимание привлёк надписанный мелким почерком довольно пухлый конверт – уж очень он имел весьма любопытное содержание внутри! Отправителем сего незаурядного послания был некий Семендяй Симеонович Лопоухов, известный широкому кругу ценителей прекрасного как продавец редких антикварных ценностей. А вот в узком кругу людей с другими интересами его знали как Гробокопателя, или Лопоухого. Жизнь Семендяя – Гробокопателя была интересной, любопытной, увлекательной, авантюрной, таинственной, а порою – и опасной! Короче говоря, Семендяй был мужик – что надо! И Коряга уже давно заприметил эту незаурядную личность, поскольку и себя причислял к таким же. Проще говоря – Коряга обычно читал переписку Семендяя как любимый детектив с бесконечными продолжениями.

Но вот сегодняшнее письмо Семендяя в некотором роде возмутило Корягу! И сейчас вычитанная информация буквально распирала и щекотала рёбра чувствительному бесу, пробуждая в нём самые неприятные чувства и эмоции! Дело в том, что на сей раз Гробокопатель задел интересы самого Сатаны – а это никому не позволительно! – и с этим срочно надо было что-то делать.

Лопоухов писал коллекционеру Алмазову, известному некоторым лицам своими баснословными капиталами, что имеет несколько любопытных экземпляров к продаже. Не вдаваясь в подробности, он скупно сообщал, что собственноручно выкопал эти предметы на заброшенном кладбище покинутой людьми деревни. Суть письма заключалась в том, что всё это добро было выкопано из могилы чёрного колдуна, похороненного там вскоре после окончания Отечественной войны. И далее, как положено, прилагался перечень предлагаемых к продаже любопытных вещей. Вот тут-то и было самое интересное, что задело беса за живое! В списке были указаны – адописные иконы в количестве двух штук, объёмистый рукописный трактат с рисунками и подробнейшими указаниями по проведению всевозможных колдовских обрядов, личный ритуальный кинжал колдуна, смахивающий по форме на кошку, и вопиющего содержания книжица с нехорошим кошмарным названием «Подчинение бесов»!

Кроме того, бесстрашный Лопоухов предлагал Алмазову долгосрочное деловое сотрудничество для проведения определённых ритуалов и открыто насмеялся над всем бесовским родом, который – если верить записям колдуна – по одному только свисту или щелчку пальцев таскал его на своём горбу, и таким образом позволял этому негодяю экономить на транспортных расходах! Это... это... Коряга от возмущения даже не мог подобрать подходящего слова... это... это просто нонсенс какой-то!

И если до сей поры Коряга уважал Семендяя – ведь в некотором роде они были *почти* одного поля ягоды, – то сейчас он просто содрогнулся и опешил он неслыханной дерзости Гробокопателя! Да это что же такое стало твориться на белом свете? Да это что же люди стали позволять себе? Им что – мало того, что они живут в грехе? Зачем же ещё над бесами-то издеваться? Ну и наглость! Вот тебе и Семендяй! И что это ещё за сотрудничество такое? Вот тебе и Лопухий – копал, копал, да и докопался, мерзкий тип!

На сей раз Коряга не стал вносить в письмо какие-либо поправки. Он запечатал конверт, придав письму прежний вид, брезгливо зашвырнул его в сумку женщины-почтальона, которая как раз собиралась пойти по домам разносить почту, и незамедлительно уселся тут же, за уютным столиком в углу зала, писать донесение *Самому* о недопустимых вещах, творящихся на территории Коряги. В конце донесения Коряга вежливо вопрошал – как ему быть? А также ожидал дальнейших распоряжений и клятвенно заверял в вечной своей преданности! После чего метнулся на улицу, открыл крышку канализационного колодца, склонился над ним и свистнул в вонючую тёмную глубь, вызывая посыльного. Посыльный, как и положено, явился незамедлительно, и обеспокоенный Коряга вручил ему своё срочное послание.

Вскоре посыльный вернулся, едва переводя дух и мелко кланяясь, и передал Коряге ответное письмо. Коряга взлетел на свой чердак, удобно расселся на чердачном окне, свесив ноги на улицу, и только сейчас, в спокойной привычной обстановке трепетной рукой вскрыл послание от *Самого*. *Сам*, конечно, был очень недоволен! Он очень негодовал и предписывал Коряге немедленно, в срочнейшем порядке, отправиться к Гробокопателю и сжечь мерзкую книжонку, уничтожить её во что бы то ни стало! Она ни в коем случае не должна попасть в руки людей! Далее *Сам* пояснял, что колдун этот много лет служил ему верой и правдой, и забытая могила его уже давно не имеет ни имени, ни названия, всё должно было так и кануть в небытие, – а тут какой-то слишком любопытный тип взял да и разрыл её! Не мешало бы и его наказать за это дело! А на случай непредвиденных ситуаций Коряге рекомендовалось действовать по обстоятельствам.

Возмущённая душа Коряги жаждала справедливости! Он был абсолютно согласен с *Самим* – нужно сжечь все находки Лопухого, не дожидаясь неприятностей на свой хребет. Поэтому бес деловито побросал в клетчатую дорожную сумку кое-какие принадлежности, забросил её за плечо и отправился неизвестно куда – в далёкую тьмутаракань на поиски коварного Семендяя. Почему-то вдруг испортилась погода – всё небо затянуло тучами, и пошёл сильный холодный дождь. Стало холодно и неприятно. Но для Коряги это не имело никакого значения – воля *Самого* превыше всего!

Вот такие обстоятельства предшествовали такому важному событию как первая в жизни Коряги служебная командировка. Праведный гнев требовал удовлетворения, и Коряга готов был к выполнению возложенного на него задания!

Деревню Каннибаловку Коряга разыскал недалеко от крошечного районного городка. И всё бы ничего – но вот только дорога к этой деревне была какой-то странной! Не стоит распространяться о качестве и состоянии сельских дорог в русской глубинке – об этом и так всем хорошо известно. Но даже на этом фоне дорога в Каннибаловку выглядела совсем уж необычно, скверно и убого! Как будто её строили разные дети в разное время – один немножко поделал и бросил, через десять-двадцать лет взялся за эту дорогу другой – тоже чего-то поделал по-своему да и тоже забросил, и так далее. Понятно было, что на данный момент дорога эта заброшена уже давно и окончательно! Она даже успела зарастить буйной крапивой и матёрыми лопухами, и немногие люди, у которых возникала надобность в Каннибаловке, предпочитали добираться в ту сторону в объезд, по новому мосту, соединяющему город с новым дачным посёлком. А там уж от посёлка до Каннибаловки можно было добраться пешим ходом за тридцать-сорок минут.

Таким образом – немного поплутав, Коряга добрался, наконец, до искомой деревни! Теперь он стоял посреди единственной залитой солнцем пустынной улицы и озирался по сторонам в поисках нужного дома. Ага, вот и огромная цифра «6» на зелёных воротах, улица Зелёная, – всё, как описывал Семендяй! Коряга быстро переместился во двор и увидел прямо-таки сельскую идиллию в чистом виде!

В одном углу большого двора копошились куры, в другом – за невысокой загородкой довольно хрюкал поросёнок, а через открытую в огород калитку было видно, как в небольшом пруду за огородом наслаждаются жизнью утки и гуси, а на дальнем лугу пасётся привязанная к колышку коза. А ближе к дому, в тенёчке под большим навесом за грубо сколоченным из досок столом восседал сам Гробокопатель собственной персоной и налаживал удочки, собираясь на следующее утро спозаранку сходить на рыбалку.

Коряга ловко запрыгнул на стол и, чуть пригнувшись к самому лицу Семендяя, стал внимательно всматриваться в него – ведь до сих пор бес знал Гробокопателя только по его переписке, а вот воочию он видел Лопухого впервые! По мнению Коряги вроде ничего особо выдающегося во внешности легендарного Гробокопателя бес не заметил. Обыкновенный мужик, каких вокруг тысячи, – бородатый, голубоглазый, в старой соломенной шляпе, с запахом дешёвого курева и слегка нависающим брюшком над резинкой полинявших вытянутых треников. Вот только он и вправду оказался лопухим, поскольку уши у него не прилегали к голове, как у всех людей, а располагались к ней строго перпендикулярно... ну, примерно, как у Чебурашки! А в остальном он и вовсе выглядел как коренной местный житель, и от него не исходило никакой опасности. Что ж, посмотрим, что дальше будет...

Тут из дома вышла на крыльцо сухонькая бабулька в белом платочке и с миской пшённой каши в руках, и все куры сразу, как по команде, всполошились, завохтали, забили крыльями и наперегонки бросились к вожделенной посудине. Сразу же на их суматошные крики из будки выскочил заспанный пёс и, увидев присевшего на столе Корягу, нервно зарычал и злобно залаял, желая напугать и спровадить со двора нежданного гостя.

– Да уймись ты, Шарик! Ишь, разлаялся, окаянный! И что на тебя вдруг нашло? – прикрикнула бабулька на разходившегося пса, но тот совсем не слышал её, а всё норовил запрыгнуть на стол, почти охрипнув от громкого лая.

Коряга понял, что пёс сам не остановится, а потому с досадой спрыгнул со стола и решил юркнуть в дом, приметив открытое окно, – да не тут-то было! Едва он оказался на подоконнике с обильно цветущей красной геранью, как получил мощнейший удар по кумполу, аж звон пошёл, да при этом ещё по самой макушке – ладно, хоть рога не сломались от такого привета! Глазёнки пострадавшего беса сползли в кучку, и из них огромным затейливым фейерверком посыпались яркие цветные звёзды, звёздочки и прочие искры. А когда салют из глаз прекратился, и к Коряге вернулась способность видеть, он настороженно повертел головой, – это кто же его так невежливо приложил? Ага, нашёл! Это был не кто иной, как сам домовый, хозяин этого дома по имени Проша. Он стоял, подбоченясь, и спокойно ждал, когда Коряга очухается:

– Тебя сюда не звали, не приглашали, – коротко бросил ему домовый и для закрепления своих слов в сознании Коряги поддал ещё ему раз.

Это было уже чересчур! Тоненько взвизгнув и почти теряя сознание, Коряга как куль свалился под окно, прямо в крапиву. Последняя его мысль была:

– Ладно, хоть роги не сломал! – и поверженный Коряга отключился.

Тут надо пояснить, что Коряга очень гордился своими, прямо-таки скажем, обыкновенными рожками – он заботился о них, он их холил-лелеял, начищал, полировал, а в особо торжественных случаях даже покрывал лаком. Он называл-то их не «рога», а именно изысканно и возвышенно – «роги»! И тут вдруг такой облом! Какой-то деревенщина чуть не переломал всю его гордость!..

Когда через некоторое время свежий ветерок привёл Корягу в чувство, Проши на посту уже не было, что очень порадовало незадачливого визитёра. Но ещё раз проникнуть в дом через окно бес всё-таки не решился.

– Нет, так дело не пойдёт! – сама себе объяснил Коряга, потирая шишку на голове, и решил войти в дом более привычным и безопасным путём – через дымоход.

От такой хорошей мысли он мигом вскочил и быстренько вскарабкался на крышу. Но ведь и Проша был не дурак! Всё это время он наблюдал за Корягой из-за угла и терпеливо выжидал – что незванный городской фронт предпримет на этот раз? А увидев, что надумал этот залётный гость, домовый тоже не стал медлить, а моментально закрыл печь заслонкой, а трубу перекрыл вьюшкой, – и всё, попался голубчик! Теперь тебе – ни взад, ни вперёд!

Делать нечего – обидно, конечно, но пришлось Коряге сидеть в золе и копоти до самого вечера, пока бабулька не открыла печь да не начала в неё дрова накладывать. Выскочил Коряга из печи, пока опять ловушку не захлопнули, и спрятался за трубу под самым потолком. Теперь-то уж он будет следить за всеми в оба глаза и не даст больше застать себя врасплох!

...А по всей избе вскоре поплыл умопомрачительный запах щей и пирогов! Бабулька сутилась, а Лопухий сидел за столом, исходил слюной и ждал, когда закипит самовар.

– А что теперь, Семендяй Симеонович, – Вы будете продолжать поиски? – поинтересовалась бабулька, по-видимому, продолжая прежний разговор.

– Не знаю, Анастасия Петровна, – честно ответил Семендяй, – не решил ещё. Я ведь, пока эту могилу раскапывал – каждый день место с трудом находил, словно сам чёрт меня путал! Прямо замучился я весь!

– А что же Вы хотели, Семендяй Симеонович?! Могилка ведь непростая, а колдуна, да ещё какого! Уж какие вещи творил, не приведи Бог! Если невзлюбит какую хозяйку – посмотрит только на её корову, так бедная корова сразу замертво падает! Вся деревня его боялась! Людей-то тогда тут много жило. А теперь уж, почитай, поумирили все, кто его при жизни застал. Да про могилу его никто не вспоминал, пока вот Вы, Семендяй Симеонович, не нашли её. Только не к добру это, нельзя покой колдуна нарушать! Да и поверье плохое про эту могилу ходит, – хозяйка, наконец, закончила свои дела, поставила в угол у печки ухват и села за стол.

Она подперла морщинистую щёчку сухоньким кулачком и, ласково глядя на Семендяя, продолжала говорить:

– И-и-и, милочек, тут и до Вас находились отчаянные головушки, что пытались эту могилу разыскать, не Вы первый ею заинтересовались. В последние годы особенно искал её Лёнька Лихой, сын Бориса Леонтьевича, всё ему мало было, верзиле неотёсанному. Лихой – это фамилия такая ему от отца досталась. Да-а-а.. Так вот, значит, весь род у них Лихой был... Вот только все до единого, кто эту могилу проклятую искал, в *такие* истории потом попадали, что не все живыми из них выбрались! Ох, и опасное дело Вы затеяли, Семендяй Симеонович! Не боитесь?

Услышав про «прочие отчаянные головушки», наш Гробокопатель подумал только, – да я и сам немало сил и лет положил, чтобы это местечко отыскать! Но говорить этого он, естественно, не стал, а на бабушкин вопрос только беспечно махнул рукой:

– А чего мне бояться-то? Моё дело маленькое – выкопал да продал, а дальше меня не касается, – Лопухий пожал плечами, – дождусь вот Алмазова, деньги возьму и уеду. Так чего мне бояться, – я что, убил кого? Не-е-е... тут моя совесть чиста!

– Нельзя вещи колдуна продавать, – бабулька всё не теряла надежды вразумить неразумного, – а уж его прах и вовсе тревожить нельзя! А Вы что с ним сделали?

– Да ничего там такого ужасного не случилось, Анастасия Петровна!

Вот ведь неугомонная старушка! Испытывая лёгкое раздражение от её упёртости, Семендяй уже в тысячный раз искренне пытался втолковать непонятливой бабульке простые истины:

– Гроб уже давно сгнил, один только просмоленный ящик уцелел! А в нём – пара книг да нож! Вот и всё богатство! Ну не я, так кто-то другой это всё нашёл бы! Так что – ничего страшного я не сотворил! А книжки я полистал, но там без специалиста ничего не поймёшь!

– А Алмазов Ваш – специалист?

– Думаю, что – да! Хотя... шут его знает, – чуть помедлив, ответил Семендяй, – он мне не докладывал. Побыстрее бы уж приезжал, а то засиделся я тут у вас! Письмо-то я ему ещё неделю назад отправил, так что, думаю, на днях ответ должен быть. А я, пока время идёт, на рыбалку завтра утречком схожу. Говорят, тут у вас карп хорошо ловится, вот и побалуемся мы с Вами, Анастасия Петровна, свеженькой ущицей!

– Не ходите, Семендяй Симеонович, – со всей возможной настойчивостью и твёрдостью произнесла бабулька, – домой не вернётесь!

– Это почему же? – удивился Лопухов и даже жевать перестал.

– А потому, что много тут таких было, кто могилу колдуна искал! Ходит человек, ходит, ищет да ищет, а потом сходит на реку – и всё, нет его! Не вернулся! Ясное дело, нечистый на дно утянул! Послушайся меня, сынок, не ходи! Беду на себя накличешь! – чуть ли не умоляла Семендяя расстроенная старушка.

– Анастасия Петровна! Всякому делу есть своё объяснение. И раньше люди тонули, и сейчас тонут – так это оттого, что либо ногу в воде судорогой свело, либо воронка где-то есть, и человека под воду затягивает. Да не переживайте Вы так, я ненадолго схожу и буду осторожен. Обещаю Вам, что я вернусь! – сердечно заверил Анастасию Петровну Семендяй, тронутый её заботой.

– Ну как знаете... как знаете, Семендяй Симеонович, – обречённо смирилась старушка, – тогда хоть крест православный наденьте, что ли...

И пошарив немного за божницей, она вытащила оттуда и подала Семендяю большой нательный крест на простом шнуручке.

– Одевайте прямо сейчас, а то ещё позабудете, не ровен час...

Семендяй решил больше не перечить, чтобы не расстраивать заботливую бабульку, и молча надел предложенный крест.

А уж несчастного побитого Корягу просто наизнанку выворачивало при виде этих непотребных действий! Ну, спрашивается, за каким фигом эта глупая старуха влезла сюда со своим противным крестом? Её что, – кто-нибудь просил об этом?

– У-у-у... – скрипел он зубами от злости, – выискалась тут... заботливая ты наша...

Потом, немного успокоившись, бес рассмотрел небрежно засунутый под лавку тот самый ящик, в котором лежали все находки Гробокопателя. И только он нацелился перебраться туда, ближе к колдовским атрибутам, как в тот же миг большой чёрный кот Васька беспардонно запрыгнул на драгоценный ящик и преспокойненько на нём растянулся.

– Да это что за напасть? – рассерженно пробормотал Коряга, – не домовой, так этот котяра! Придётся ночи подождать. Уж ночью-то, наверное, они все угомонятся и перестанут шастать по дому!

И Коряга стал терпеливо дожидаться ночи, поневоле слушая рассказы противной бабки.

– Место тут у нас непростое, заколдованное, – продолжала рассказывать словоохотливая бабулька своему постояльцу. – Почитай, что каждый год тут какая-нибудь заковыка происходит. Вот в прошлом году, например, молодой учитель нашей местной школы в соседнем селе жениться решил. Демьян Шушарин, хороший парень был – дети его любили, и матери он всегда помогал, да... Невесту себе присмотрел из наших, деревенских, Катюшку Воронцову. Хорошая девушка была, упокой, Господи, её душу, – старушка обернулась к иконам и перекрестилась, – на нашей улице жила, в семнадцатом доме. Все прямо радовались, на молодых глядя, а уж они-то какие счастливые были! Да только вдруг прямо накануне свадьбы повесилась наша невеста! В пришкольной сарайке, где поленицу складывали. А с чего бы ей вешаться? Сначала-то

подумали, что убил кто-то её. А кому это надо? Никому! Никому она ничего худого не сделала! Но потом милиция... тьфу ты! ...полиция приехала, увезли её в город, а после сказали, что это всё-таки самоубийство было. Родители её сильно горевали, и Демьян ходил мрачнее тучи, а потом и вовсе не выдержал – учебный год кое-как дотянул да и подался из наших краёв, хоть и мать у него тут она осталась. Говорил, что не может на все наши тропинки да полянки спокойно смотреть – ведь вместе с Катенькой им тут всё хожено-перехожено! Так и уехал. Приезжает, конечно, иногда... помогает матери...

Но на этом дело не кончилось. Вскоре после её смерти поползли по деревне слухи, что это *тот* колдун за жертвой приходил. Никому только не понятно, – зачем ему жертва-то эта нужна? В общем, решили все тогда, что это колдун её и повесил. Да-а-а... сильно тогда жених её горевал...

Так прошло полгода. А в ночь на Ивана Купала, когда все молодые девки на реку гадать убежали, – глядь, а покойная-то Катюшка из воды и выходит им навстречу! Руки к ним тянет да улыбается по страшному! Они все, понятное дело, с визгом все разбежались. В общем, в тот раз Катюшка всю деревню до ужаса перепугала! А покойница из воды вышла, да уже и в деревню входит, и идёт не куда-нибудь, а на двор нашего батюшки – он тут через два двора от нас живёт, – и она махнула рукой, показывая, в какой стороне живёт батюшка. – Так вот, значит, подошла она к дому и давай в окно ему стучать, а с самой вода ручьями стекает! А батюшка наш трусом никогда не был, не испугался он и в тот раз! Открыл дверь, стоит на пороге в исподнем – ведь она его ото сна подняла, крест свой вперёд себя выставил да и гаркнул на всю улицу: «Сгинь, нечистая сила!» Тут все и увидели, что это не Катюшка перед ним стоит, а бес водяной над божьим человеком куражится! А батюшка не растерялся, схватил этого охальника за глотку да и обмакнул прямо мордой в чан со святой водой! Ой, что тут было!

Разговорчивая старушка на минуту умолкла и даже головой покачала, вспомнив те недавние события. А уж оскорблённый в лучших чувствах Коряга прямо-таки приступ тошноты почувствовал от столь вопиющей несправедливости и позорного произвола! Даже спина нестерпимо зачесалась от возмущения! Это же надо над водяным такое издевательств совершить – ни за что, ни про что сунуть его в святую воду! Эх, вы, люди! А ещё что-то лепечете про любовь к ближнему, да про сострадание, а сами вон что вытворяете! Да, тяжело живётся нашему брату, – чего только испытать не приходится...

– Ну, ничего, поп! Погоди! Придёт и наше время! Коряга тебе этого не забудет и никогда не простит! – мстительно шептал бес, распаляя своё воображение.

– Ну а дальше-то что? – нетерпеливо прервал Семендьяй затянувшееся молчание.

– А дальше... – очнулась бабулька, – эта нечисть так завопила, что все дома вокруг затряслись! И уже не выкобенивался перед батюшкой, а слёзно просить стал, – отпусти, поп! Не буду больше!

– И что, – отпустил? – у Семендьяй даже глазки разгорелись от любопытства.

– Ну как же – отпустил! Да нечто можно такое чудо отпустить?! Нет, конечно! Он его за шею как держал, так и в избу втащил, да затолкал в горящую печь – пообсохни там, да подумай! Сильный у нас батюшка, богатырь, – по-детски похвасталась старушка. – Так этот гад речной через дымоход из трубы вылетел как факел горящий, весь в огне!

Коряга только застонал, не в силах сдержаться, и крепко сжал кулаки в бессильной ярости, – ну, поп, поплачешься ты у меня за все свои злодеяния! Услышав его, кот Васька встрепенулся и настороженно повёл ушами.

– Хорошо, с этой дрянью всё понятно, – продолжал Семендьяй, даже не подозревая, что этими словами нажил себе заклятого врага в лице Коряги, – ну а про невесту-то ещё было что-нибудь известно после этого?

– Было, милоч, было! Все знали, что колдун невесту нашу забрал, а сделать ничего не могли! Были отчаянные головушки, что хотели в сердце ему кол осиновый вбить, да он им ловко глаза отводил – никак ту могилу сыскать не могли!

Ну, так вот. Слушай дальше. Ещё время прошло, а там и Новый год уже подкатил. А в эту пору весело у нас в деревне становится – ко всем нашим старикам дети да внуки понаехали! Новогодних-то дней много свободных, людям на работу спешить не надо, вот и отдыхают тут в тишине да покое на свежем воздухе. У нас-то в деревне базара уже давно не стало, – печально вздохнула Анастасия Петровна, – а в соседнем селе, в Лихоманке, на базарной площади ёлку поставили, да фонарями разноцветными украсили – краси-и-иво было! Вот в самую-то новогоднюю ночь вся молодёжь и собралась у той ёлки – и приезжие, и свои со всех соседних деревень, кто ещё в город не подался. Кто весёлый, кто пьяненький, – подумались они немного вокруг ёлки да надумали по трассе на машинах покататься...

– И?..

– Покатались!!! Досыта накатались, по самую макушку! Едва выехали они из села, а там вдоль дороги лесок небольшой тянется, – как видят, что на обочине невеста наша, Катюша Воронцова, в белом платье стоит, и фата по ветру развевается. Местные-то сразу её узнали, да с перепуга дали по газам! И не увидели, что навстречу им такие же лихачи несутся, такие же любители быстрой езды! В результате – похоронили перед Рождеством двух приезжих ребят да одного нашего, остальные переломами, ушибами и сотрясениями отделались. Поди, на всю жизнь эту прогулку запомнят! Пошли тогда родственники пострадавших ребят к батюшке и стали ему говорить, что неспроста Катерина приходит, дух не упокоенный. Не самоубийца она, и со всем этим надо что-то делать! А батюшка отвечает им, что полностью с ними согласен, только надо прежде доказать как-нибудь, что Катерина в самом деле не самоубийца. Тут все и приуныли, – как теперь докажешь?

– И что, доказали? – Лопоухин даже привстал со своего места от нетерпения.

– Доказали! – горделиво сообщила старушка с таким видом, словно это была исключительно её заслуга. – Изобретательный у нас батюшка, и вот он какую штуку придумал! Где-то нашёл он старинные записи про этого колдуна и выяснил, что женат этот колдун никогда не был и что много невест погубил он в округе. Поскольку был он самым настоящим оборотнем, то примет вид жениха или подружки несчастной девушки, заманит в лес или угол какой, да и убивает! И всё было ему нипочём – ни святая вода, ни крест освящённый, ни икона, ни серебряная пуля. Ничего этот варнак не боялся! К тому же – никто не знал, откуда он приходит и куда уходит, сколько ни пытались проследить за ним!

Но батюшка наш твёрдо был уверен, что не может такого быть, чтобы оборотень совсем ничего не боялся. Ведь чего-нибудь да каждый боится! Долго наш батюшка молился, чтоб Господь ему просветление дал, как это дело распутать. А после он и спрашивает у стариков, – где тут около деревни есть старый заброшенный колодец? Сперва-то все отнекиваться стали – нет тут никакого такого колодца, а после бабка Ефросинья вспомнила, – есть такой! Даже примерное место показать смогла! Стали люди тот колодец искать – насилу отыскали, всё давно уже с землёй сравнялось да дёрном затянулось! А батюшка говорит, что всё равно надо этот колодец плотно заколотить крепко-накрепко, одну только маленькую щель оставить, а в эту щель вбить крест осиновый, и если Катюшка колдуном убита была – то знак будет! Так и сделали, хоть и сомневались некоторые, всё-таки не при царе Горохе живём, – на дворе двадцать первый век, а тут какой-то оборотень да крест осиновый! Словом, всё сделали, как батюшка велел, и крест укрепили. А утром смотрим – на осиновом кресте Катюшкина фата висит да от ветра колышется! Ну, тут уж даже самые маловерные сомневаться перестали.

Бабулька опять замолчала, окунувшись в воспоминания.

– А дальше? Дальше-то что?

Тут Коряга отметил про себя, что у Лопухого даже огромные чебурашьи уши стали пунцовыми от волнения, – ишь, как его зацепило! И вообще – фу, какой он противный и некрасивый!

– А дальше пришёл батюшка и говорит, – правда ваша, убита была наша Катюша, будем её отпевать! А народ спрашивает, – а с оборотнем как быть, батюшка? А батюшка на это отвечает, – готовьте пуды четверговой соли, будем ею колодец доверху засыпать. Что ж, поднатужились мы всем миром, насобирали соли, сколько надо было, и стал батюшка с молитвами эту соль в колодец сыпать. И тут из колодца такой жуткий вой раздался, что у нас даже кишки-то все внутри съёжились! Такой был ужасный скрежет зубов и стон нечеловеческий, что некоторые от потрясения сознание потеряли! А батюшка ни на что не отвлекается, знай себе – молитвы читает да соль сыпать продолжает. Так и засыпал этот проклятый колодец! Вот только после этого все безобразия прекратились.

– Анастасия Петровна, покажите мне, пожалуйста, этот колодец! – страстно попросил Гробокопатель, уже загоревшийся новой идеей.

– Нет, не покажу, – спокойно ответила старушка, – потому как пропал он на следующий день. Словно его тут отродясь и не бывало!

Коряга сидел за печной трубой и чувствовал, что у него уже просто голова кругом идёт от всех действий не в меру прыткого местного батюшки! Даже на языке стало горько, как от полыни. Это же надо – какой подлый человек! Ну, держись теперь, вражина! У Коряги память хорошая – за всё сполна ответишь, из-з-зобретатель!

– Да и вообще, – с огорчением подумал Коряга, – сидеть в этом доме под потолком кряду несколько часов становится уже крайне неудобно!

– А невесты, бабушка, пропадать перестали? – опять задал Семендяй свой вопрос.

И Коряга раздражённо подумал, – совсем дурак он, что ли? Ведь только что человеку русским языком сказали, что всё закончилось! Так чего ещё переспрашивать про всякие ничёмные вещи? Что толку в этихдохлых невестах? Вроде как за столом и поговорить больше не о чем!

– Невесты-то? – тихо переспросила старушка, – невесты пропадать перестали, а вот другие – начали! Послушай-ка, что потом началось! Умерли тут у нас недавно соседи наши, муж с женой, хотя и не старые ещё были и ничем особо не болели. Один за другим преставились. Родственники их все в городе живут, и никому из них этот старый дом стал не нужен. Вот они и продали его, а уж радёхоньки были, что покупатели быстро нашлись! Ведь много домов просо брошенные стоят, потому что продать их никак не могут. Ну, так вот, купила этот дом молодая семья. Тоже рады были, что за недорого им такая хоромина досталась! Быстренько они побелку-обои сварганили, мебель новую завезли, да и начали жить, мечтая о долгой счастливой жизни.

Да только жизнь на новом месте не заладилась! То с пустого места шторы загорелись – ладно, соседская девчонка мимо проходила, увидала и побежала взрослых созывать, а то вся деревня могла бы за час выгореть. А иной раз черти всю ночь по потолку бегают, копытами топают, как лошади, спать не дают – да ведь и страшно! А то – глядь! – к утру все коровы выдоенные в стайке стоят! Какая уж тут счастливая жизнь, – напасть, да и только! Пришлось опять к батюшке идти...

Зашёл батюшка в дом, посмотрел по всем углам, да и говорит, – купи-ка ты, Марья, новую колоду карт, и брось её в погреб, после погреб закрой покрепче, а сверху соль четверговую насыпь! На следующий день Марья всё так и сделала, и батюшка сразу же начал дом освящать. Что тут началось! Ужас голимый! Из погреба начали, не знамо кто, колотиться, да не тут-то было, – соль четверговая не пускает! Начали черти истошным голосом орать, – отпусти! А батюшка как не слышит, своё дело делает – знай себе, отпевает! Потом как-то смогли черти всё-таки крышку погреба выломать, да вихрем все в трубу печную вылетели – только карты

во все стороны после них разлетелись! И уж после этого тишина в доме наступила... Теперь-то Марья счастливая бегают, а про *то* даже вспоминать не хочет!

Опять Анастасия Петровна замолчала, задумалась. А мрачный Коряга вытянул вдоль трубы затекшие ноги и со злостью проворчал:

– Не деревня Каннибаловка, а просто какая-то древняя пещера сплошной несправедливости, божественных ужасов и поповских происков!

Одна только мысль несколько успокаивала Корягу, – уж этой ночью он устроит этой противной старухе самый настоящий великолепный пожар! За все сотворённые здесь пакости, и за всех невинно пострадавших от злодеяний местного попа! То-то шашлычком запахнет на всю округу! А потом разбирайтесь, в чём тут дело! Хоть всех попов соберите!

– Так кто пропадать-то начал, Анастасия Петровна? – Семендяй упорно пытался вернуть разговор к прежней теме.

Анастасия Петровна серьёзно посмотрела на своего постояльца поблекшими, а когда-то прежде – ярко голубыми, глазами и продолжила своё повествование:

– Первым пропал наш скотник Павел Сорокин. Ну, он-то ещё до невест сгинул, давно, – махнула она рукой, – сколько лет уже прошло! Обстоятельный работающий человек был, без всякого баловства. Возвращался вечером из коровника домой – и не дошёл! Коровник-то вон он, за околицей сразу был, тут с закрытыми глазами пройдёшь и не заблудишься, а его всей деревней искали, да так и не нашли. Словно в воду человек канул!

Ну вот, а теперь-то, после невест... Потом прошёл ещё месяц, и опять человек бесследно сгинул! На этот раз пропал наш тракторист Михаил Левашов, тоже хороший человек был. Этот и вовсе чудно пропал – зашёл в мастерскую трактор ремонтировать, там много всякой сельхозтехники стоит, а обратно – не вышел! Тоже искали, искали, да так и не нашли мужика!

И опять стали люди поговаривать, что это снова колдун колобродит, развлекается! Вроде как школьники его где-то издали видели, да бабы из Сосновки, когда в лес по ягоды ходили. И стали люди примечать, что как только где колдуна увидят, – так сразу вслед за тем где-нибудь мужик пропадает! Это разве дело? Да так мужиков не напасёшься! Пошли наши деревенские опять к батюшке жаловаться. А батюшка на это объясняет, что не может человек вот так просто взять и пропасть! Искать надо лучше! И попросил принести ему что-нибудь из одежды наших пропавших. Принесли, и он дал эти вещи собаке своей понюхать, Наре. А Нара его из таких собак, что на границе служат да наркотики на вокзалах вынюхивают, – непростая собака, одним словом, учёная! Понюхала Нара все вещи, да и потянула всех в лес. Много нас было, – всем ведь интересно посмотреть, как собака людей искать будет. Вот идём мы, идём по лесу, а она торопится, ещё дальше за собой тащит. И вдруг останавливается Нара у каких-то заросших развалин посреди болота. Уж я, кажись, за свой век каждую осинку в нашем лесу наизусть знаю, а тут гляжу – место совсем незнакомое, вроде как и не наш лес вообще, чудно так! Довела, значит, нас Нара до этих развалин и давай их облаивать! А батюшка наш в старинных записях вычитал, что это гиблое место и было жилищем того колдуна, так что Нара не напрасно нас сюда вывела.

Вдруг ни с того, ни с сего потемнело вокруг, и налетел такой вихрь, что некоторые даже с ног попадали, а я вот за дерево успела ухватиться, а то меня ветром в самое болото укаатило бы, весу-то во мне как в курице, – подшутила бабулька сама над собой и продолжала дальше. – Ох, и страшно там было Семендяй Симеонович, – молнии сверкают, деревья трещат и ломаются, сучья во все стороны валяются! А батюшка наш стоит, как глыба нерушимая, посреди всего этого безобразия и молитвы читает. И понемногу как-то всё начало успокаиваться. А когда совсем утихомирилось, батюшка и говорит нам, что остатки этого жилища дотла сжечь надобно, и велел нам для огня всякий сушняк собирать. Ну да мы всяких сухих веток для такого дела мигом натаскали и начали средь развала костёр огромный выкладывать. И всё время, пока пламя не угасло, батюшка специальные молитвы говорил, долго говорил...

А огонь страшно трещал и из костра то и дело поленья вылетали, и всякие жуткие образы в пламени скалились, – жуть, одним словом!

– Так мужиков-то своих всё-таки нашли?

– Нет. Тех мужиков мы не нашли, но с той поры хоть другие пропадать перестали.

– А как ваш батюшка всё это объясняет?

– Да как, – просто объясняет! Говорит – стало скучно колдуну одному сидеть, вот он и взял их к себе для компании, так сказать.

– Анастасия Петровна! Так я немного не понял, – колдуна-то изгнали? Можно его изгнать?

– Нет, милый! Как ты его изгонишь? Никак! Его это место! Уж хоть бы живых-то не трогал этот чернокнижник проклятый – мы и тому рады! Я ведь для чего тебе это всё рассказываю – чтобы ты знал, с кем дело имеешь! Ты вот его книгу притащил – теперь жди, что нечистый притащится! А ну, сплюнь через левое плечо! – приказала бабулька и сама трижды плюнула.

Коряга при виде такого наглого попрапия всех приличий прямо-таки взвился от возмущения, преобольно стукнулся о потолок своей расшибленной башкой и снова упал в полнейшем моральном изнеможении! Пропади ты пропадом, Лопоухов! И каким только ветром занесло тебя в эту Каннибаловку могилы копать? Гробокопатель хренов! Ну, погодите, – устрою я вам развесёлую ночь!

– Анастасия Петровна, давайте немного отвлечёмся от ваших грустных историй, – предложил Лопоухий, – ещё у вашего чернокнижника я одну занимательную книжонку нашёл, «Подчинение бесов» называется. Давайте, почитаем!

Бабулька явно колебалась. Хоть и была она не робкого десятка, это Семендйя уже давно понял, да и любопытно, конечно, очень было, но – сдерживало православное начало, не хотелось как-то по доброй воле соприкоснуться со всякой бесовщиной.

– А не страшно Вам, Семендйя Симеонович?

– А мы попробуем, – успокоил её Лопоухий и поднялся из-за стола, – вот тогда и увидим – страшно или не страшно!

Он подошёл к лавке, согнал с ящика недовольного Ваську и извлёк из заветного колдовского тайника тоненькую книжицу. Затем вернулся на прежнее место, уселся поудобнее, водрузил на нос очки, положил книгу перед собой и с интересом открыл первую страницу. Анастасия Петровна молча, одними глазами, следила за всеми его перемещениями и ожидала. При этом даже невооружённым глазом было видно, насколько её распирало от любопытства и нетерпения! Бабулька-то хоть и старенькая была, но при случае пошустрить могла очень даже по-молодому!

Семендйя жадно пробежался взглядом по первым строчкам и радостно объявил:

– Так и есть! Смотрите, Анастасия Петровна, как тут интересно написано! Короче говоря, если хочешь подчинить себе беса, то надо точно знать – для какой цели, и называть его точно по имени! А вот имена их... послушайте, какие забавные! Бес Кoryто – для бесплодия скотины, бес Косоглаз – для наведения порчи, бес Мамрыко – чтобы пути не было, бес Скалозуб – чтобы человека насмешками известить, бес Джокер – чтобы человек проигрался, бес Баламут – соседей перессорить, бес Петлюра – подстроить смерть через повешение, бес Жигало – пожары устраивает, бес Коряга – чтобы письма путать...

Коряга слушал, как этот ничтожный Гробокопатель насмехается над его собратьями, и кипел от негодования – зачем же так бессовестно полоскать достойные имена?..

– Погодите, Семендяй Симеонович, – перебила его старушка, – а Вам-то самому бес для какой цели нужен?

– Да мне он и вообще не нужен! – беспечно отозвался Семендяй, – может, просто вызовем и пошутим над ним немного, а то что-то совсем стало скучно тут у вас на Зелёной улице. Так что скажете, Анастасия Петровна? Повеселимся?

– А над каким бесом повеселиться-то Вы собрались, Семендяй Симеонович? – осторожно поинтересовалась Анастасия Петровна.

– Да вот хотя бы над Корягой! – его палец до сих пор упирался в последнее, названное им прозвище, вот он и назвал его наугад, чего тут мудрить-то?

Коряга же, услышав своё имя, мгновенно ощерился, – то, что тут собирались проделать, не пёрло уже ни в какие ворота!

– Да что же с тобою делать? – тоскливо простонал бес, – и принесло тут тебя на мою голову...

– Тогда зачем Вам всё это? Может, не стоит с нечистыми связываться? А, Симеоныч?

– Над этим я подумаю. Есть ещё время, потому что тут написано – вызывать только в полночь. Так что, полагаю, – будет у бесоньки Корягоньки беспокойная ноченька! – ответил Семендяй и, лукаво подмигнув, засмеялся над своей шуткой.

Коряга был просто взбешён! Как пригодилась бы ему в столь трудный час поддержка соратников, но подлый батюшка всех их поразогнал, никого не осталось! Коряга понимал, что вся ответственность сейчас ложится на него одного, но чувствовал себя абсолютно беспомощным. Что же предпринять? Что же предпринять? Как повернуть эту сомнительную ситуацию в другую сторону?

Коряга размышлял, бестолково ворочая глазами во все стороны, и тут его взгляд остановился на домовом Проше. Понятливый Проша с ехидной улыбкой смотрел на беса, потирая толстенные ладошки:

– Ну дак чё?.. Может, по-хорошему – сам отсель уберёшься?

Да если бы не правительственное задание – бес не остался бы здесь ни на одну минуту! Знаться по доброй воле с таким типом, как противный Прошка – себя не уважать! Больно надо! Но – никак нельзя! Обречённый Коряга понимал, что это вообще уже ловушка какая-то получается, а потому необходимо как можно быстрее уничтожить мерзкую книжонку, пока совсем худо не стало... Но как это сделать – Коряга даже не представлял, потому что теперь противный Лопоухий засунул эту книжицу поглубже за пазуху, туда, где уже висел ненавистный нательный крест.

Противная бабка с отвратительным Гробокопателем поговорили ещё немного о том, о сём, да и решили немного вздремнуть до полуночи, чтобы, так сказать, быть при исполнении со свежими силами! А бедный Коряга места себе не находил! Он уже несколько раз пытался утащить из печки уголёк и подпалить избу, но всякий раз бдительный Прошка начинал шуметь, бабка просыпалась, сразу же поправляла в печке все дверцы и заслонки, всячески препятствуя Коряге, и беззлобно ворчала при этом:

– И что ты, Прохор, расходилась? И чего тебе, родимый, не спится?

...Наконец, ходики с кукушкой известили о том, что наступила полночь. Лопоухов с бабушкой проснулись, зажгли свечи...

– Может, не стоит? – в последний раз попыталась бабка остановить Семендю.

– Стоит, стоит! – заверил её Симеоныч и быстро вытащил из-за пазухи заветную книжицу.

А Коряга из своего угла глаз не сводил с этой книжицы и только печально вздыхал:
– Ой, что-то сейчас будет! Ой, что будет!

Откровенно говоря, Гробокопатель был в жизни не новичок, человеком себя считал практичным, бывалым, рациональным, трезво мыслящим, разумеется – бесстрашным, и никогда всерьёз не воспринимал всякие байки про нечистую силу. Да, конечно, на досуге бывает занятно послушать, но и не более того. Однако на этот раз Семендяй решил подыграть бабке и потому на полном серьёзе продолжал:

– Значит так. Тут сказано, что сначала надо мелом круг вокруг себя очертить, – Анастасия Петровна услужливо сунула ему в руки высохший кусок белой глины, – потом вот тут и вот тут нарисовать вот эти знаки, – он потыкал перстом в книжную картинку, – а потом уже можно и беса вызывать!

Тут нервы Анастасии Петровны всё-таки не выдержали, – уж она-то не понаслышке знала, чем может закончиться встреча с нечистыми! – и решила выйти во двор, не желая участвовать в дальнейших действиях Семендяя. Лопухов же, напротив, был настроен очень решительно, поскольку подобных приключений в его жизни ещё не случилось. Поэтому он аккуратнейшим образом исполнил всё, что было указано в «инструкции», и начал громко читать непонятные слова, медленно водя пальцем по строчкам и отчётливо проговаривая каждый звук. И наконец, когда была произнесена заключительная фраза, – «Явись, Коряга, передо мной и выполни приказ мой!» – бесу поневоле пришлось слезть с трубы, материализоваться и с кислой мордой предстать перед Семендяем.

– Ну и чего тебе, Лопухов, от меня надо? – не очень-то вежливо поинтересовался бес.

Семендяй, конечно, был готов ко всему, но чтобы сразу вот так!.. Увидев перед собой полу-свинячье-полу-хрен-поймёшь-какое рыло, в первый момент он даже слегка опешил, но не подал вида и быстро взял себя в руки. Моментально сориентировавшись в ситуации, Гробокопатель деловито распорядился:

– Мне надо, чтобы ты немедленно отнёс меня к тому месту, где во время войны был спрятан клад с золотыми монетами царской чеканки!

– А чем платить будешь? – с откровенной издёвкой поинтересовался Коряга.

– Ну-у-у... – на секунду задумался Семендяй и тут же решительно выпалил, – золотой из клада получишь, вот!

– Нет, так дело не пойдёт, – неожиданно для Семендяя упёрся этот облезлый бес с огромной шишкой на плешивой голове, – давай сделаем честный обмен: я тебе – золотой клад, а ты мне – вот эту книжку, кинжал и всё остальное, что ты забрал у колдуна. Ну как, – согласен?

– Нет. Ничего этого ты не получишь. – Лопухов проницательно глянул на беса, – и вообще, чего это ты тут торговаться вздумал? А ну-ка, живо неси меня к кладу! А я, – усмехнулся Семендяй, так уж и быть – дам тебе зуб!

Коряга для приличия подумал немного, хотя этот вариант его тоже вполне устраивал, и постарался скрыть в голосе довольные нотки:

– Ладно, согласен. Поехали!

Солидный и увесистый Лопухов с трудом взгромоздился на тощий хребет покряхтывающего Коряги, и они вылетели в открытое окно. Семендяй даже рассмеялся – ему вспомнился кузнец Вакула верхом на чёрте, и как потешно тот перебирал по небу своими копытцами, торопясь поскорее доставить Вакулу в Петербург. А теперь вот – подумать только! – и самому довелось прокатиться таким же макарон!

Анастасия Петровна, глядя вслед удаляющейся парочке, только усердно крестилась, – свят, свят, свят, – никак смог всё же беса оседлать, окаянный... А кот Васька злобно зашипел, вытаращив свои зелёные глазки, и в стайке беспокойно замычала корова. Только Проша

философски отнёсся к происходящему – убралась эта незваная нечисть из дома, и ладно! Чего о нём дальше думать-то? И так забот хватает!

Светила полная луна. Лопухов пролетал над лесом и старательно посматривал через плечо вниз, на исчезающую дорогу, стараясь на всякий случай запомнить направление. Через некоторое время Коряга пошёл на снижение, а через пару минут и вовсе приземлился.

– Слезай быстрее, Лопухов, тяжёлый ты, – отдуваясь, еле выговорил он.

Лопухов встал на землю, встряхнулся по-собачьи всем телом, и, не обращая внимания на жалкое состояние беса, зычным голосом скомандовал:

– Клад показывай! – потом гляделся по сторонам, – где это мы?

– Где, где... – ворчливо отозвался Коряга, растирая костлявые бока, – на заброшенном стекольном заводе, вот где! Раньше тут была контора управляющего, Савинкова Савелия Львовича. Сбежал он от советской власти, а перед тем в катакомбах под заводом денежки свои припрятал. Пошли, покажу! Только копать сам будешь!

Этим Семендя Лопухова было не напугать, – уж чего-чего, а копать-то он умел! И бес повёл его по давно покинутому людьми стекольному заводу, ещё хранившему следы былого величия и трудовой славы – полу-растрескавшиеся гербы, полу-обвалившиеся колонны, частично сохранившаяся лепнина с осыпавшейся позолотой... Конечно, сейчас всё это выглядело более чем уныло, навевая грусть и тоску, и с трудом можно было представить, что и здесь не так давно кипела жизнь, награждались грамотами победители соцсоревнований, выполнялись и перевыполнялись пятилетние планы...

Затем Коряга резко свернул в сторону и стал спускаться в тёмный провал какого-то подвала через забитый всяким мусором вход. Буквально через полсотни шагов подвал вдруг оказался довольно просторной пещерой, стало холодно, промозгло и вообще не очень приятно – запахло сыростью, гнилью и почему-то отсыревшей известковой побелкой. Коряга остановился. С минуту постоял, прислушиваясь и принюхиваясь, а потом подвёл Семендя к противоположной стене и уверенно ткнул когтистым пальцем:

– Разгребай здесь!

Лопухов без лишних слов вытащил из рюкзака свою сапёрную лопатку и так же молча начал энергично расковыривать стену в указанном месте. Сначала от стены отлетали влажные куски какой-то штукатурки, потом пошло легче и легче, а потом этот непонятный строительный материал и вовсе рухнул! Под ноги взбудораженного Семендя из стены выпал простой деревенский чугунок, тяжело стукнувшись о землю. От удара крышка чугунок лопнула, и из него посыпались золотые монеты... Семендя светил фонариком на эти сверкающие кругляшки, обалдевшим взором смотрел на них и никак не мог насмотреться – он просто глазам своим не верил! Вот это подвалило, так подвалило! Вот это фортануло, так фортануло!

– Эй, любезнейший, – осторожно окликнул его Коряга, – а ты не забыл, что каждый клад откупа требует?

– Знаю, не забыл, – сердито ответил ему Лопухов. – А ты много не болтай! Твоё дело было клад мне показать!

– Зуб давай! – настойчиво потребовал бес.

– Ишь, ты, шустрый какой! – ответил Лопухий, торопливо перекладывая добычу в рюкзак, – ты сначала меня назад отнеси, а потом и зуб свой получишь!

Он усмехнулся в темноте, а Коряга не заметил в этих словах никакого подвоха. И только вздохнул – что ж поделаешь, придётся этого лося обратно тащить!

Недовольный Коряга с трудом взгромоздил потяжелевшего Семендя на спину и покорно поволок его назад, в Каннибаловку, – будь она неладна! Опять пролетел Лопухов над тем же лесом, и вот бес опустился, наконец, на знакомом дворе Анастасии Петровны. Ну а дальше-то и произошёл самый прикол!

Лопоухий не торопясь слез с Коряги, и не успел бес спину разогнуть, как Семендяй схватил его мёртвой хваткой за горло и со всей силы шваркнул свинячьим рылом прямо об угол дома! Ой, как было больно! Коряга прямо света белого невзвидел! Уставший бес никак не ожидал такой подлости – он не успел ни подготовиться, ни сгруппироваться, вот и поплатился за свою доверчивость столь жестоко! Вот она, людская благодарность! Своим коварным поступком Семендяй в лепёшку расквасил Коряге нежный чувствительный пяточок, своротив его набок, и *выбил два передних зуба!*

Пока искалеченный Коряга выл, обхватив руками свою разбитую физиономию, гад Лопоухов поднял с земли его зубы, на раскрытой ладони протянул их бесу и довольно заржал лошадиным хохотом:

– Вот, как и договаривались! Обещал я тебе, что за выполненную работу получишь ты *свой зуб?* Вот и получай! Да не один, а два! Бери, пока я добрый! – и назидательно добавил суровым голосом, – да чтоб впредь все мои приказы выполнял без разговорчиков! Усёк?

– Усёк... – сквозь слёзы всхлипнул Коряга, а сам в себя прийти не мог от такой безгражданной наглости.

С огромной горечью зажал он в кулачке свои выбитые зубы и долго ещё проклинал подлого Лопоухого, как только мог!

В ту ночь свет в избе Анастасии Петровны горел до утра. И она сама, и уж тем более Семендяй, – оба были растревожены, взволнованы, и им обоим, конечно же, было совершенно не до сна. Они проговорили до рассвета и задремали только тогда, когда горластые деревенские петухи хрипло и радостно возвестили о наступлении нового дня.

А всесторонне пострадавший Коряга никак не смог проникнуть в дом, потому что противный бдительный Прошка зорко охранял все подступы. Что бедолаге оставалось делать в такой тяжёлой ситуации? Пришлось жертве людского коварства и чёрной неблагодарности пристроиться на ночёвку со свиньями, в их тёплой сараюшке.

Но едва стало светать, Коряга заметил во дворе *чёрного колдуна*, одетого в длинный поношенный плащ с накинутым на голову капюшоном. Он по-хозяйски неторопливо расхаживал по двору, обшаривая каждый угол, потом подошёл к окну и стал настойчиво заглядывать внутрь, словно высматривал там что-то или кого-то. Подобострастно приседая и кланяясь, Коряга выполз ему навстречу, собираясь пожаловаться на мерзких и полых людишек этого дома, но колдун только мельком глянул на Корягу, с безразличным видом прошагал мимо, зашёл в закрытый курятник – и *пропал* там!

Коряга растерянно смотрел то на курятник, то на окна дома, и не понимал, что всё это значит и что и теперь думать по этому поводу! На крыше, на самом коньке, сидел домовый, закинув ногу на ногу, и тихонько поглаживал мурлыкающего Ваську, а Шарик ещё днём сорвал голос, когда Корягу облаивал, поэтому сейчас забился в свою будку и только жалобно скулил.

Проснулся Лопоухов поздно. Анастасия Петровна уже давно хлопотала по хозяйству и сейчас процеживала молоко.

– Отдохнули, Семендяй Симеонович? – приветливо заговорила бабулька. – А у меня новости. *Похоже, что началось!* Пошла я сегодня утром скотину на пастбище выпускать – смотрю, а перед воротами лежит эта туфля!

Только Лопоухов хотел было поинтересоваться, – что именно началось? – как Анастасия Петровна вытащила откуда-то нарядную белую туфельку и показала её Семендяю. Он взял, оглядел её со всех сторон и тут же прокомментировал:

– Туфля невесты. Белая. Новая, – заглянул внутрь. – Французская. Левая. Тридцать шестой размер. Ни разу не надёванная. И что в ней такого особенного? Кто потерял-то? У вас в деревне что, – свадьба намечается?

– Намечается... – в раздумье ответила хозяйка, собирая на стол. – Да только, я думаю, невеста тут совсем ни при чём!

– Это почему же? – удивился Лопухов. – У вас тут что, местный обычай такой – перед свадьбой туфли свои соседям через забор перебрасывать? Или, может, просто чья-то шутка?

– Да нет, Семендяй Симеонович, – абсолютно серьёзно ответила старушка, – обычая у нас такого нет, да и на шутку это не похоже. Есть у меня кое-какие соображения, но пока не уверена, кое-что поспрашивать надо. Схожу-ка я сейчас с этой туфелькой к Полинке Сорокиной, она у нас замуж собралась, вот у неё и спрошу!

– А я хоть и пропустил зорьку, но всё рано схожу, пожалуй, на рыбалку. Уж очень хочется карпов наловить! – и Семендяй начал быстро собирать всё рыбацкое хозяйство – удочки, ведро, рюкзаки, мормышек и прочие дорогие рыбацкому сердцу прикормы.

Не сказать, что он был заядлый рыбак, но с удочкой посидеть любил. Просто в обычных буднях не часто это удавалось, вот и хотелось сейчас Семендяю время вынужденного ожидания и бездействия использовать максимально приятно. Когда-то ещё такая возможность выпадет? А деревенские мужики говорили, что у них в реке знатные карпы водятся!

Уже подходя к реке, Лопухов увидел другого такого же рыболова с удочкой, только тот рыбачил не с берега, а чуть в отдалении, ближе к камышам, скорчившись в небольшой надувной резиновой лодке. Выбрав подходящее местечко, Семендяй пристроился чуть выше по берегу, шустро наладил удочки и уже предвкушал бесподобно вкусную наваристую уху на ужин.

...Ласково пригревало солнышко, многочисленными бликами отражаясь в воде и гипнотизируя разомлевшего Лопухова, чуть покачивались поплавки на воде, и даже комары не донимали – куда-то все подевались, и мысли предприимчивого Гробокпателя сами по себе уплыли далеко-далеко... (если бы в данный момент на этом месте сидела бы девочка, то мы сказали бы, что она глубоко задумалась о своём, *о девичьем*, но Семендяй был хоть и взросленький уже, но всё-таки мальчик!) ... и размышлял он о чём-то своём, *о мальчишьем*... Его расплывающийся взор бездумно скользил по всему подряд, не задерживаясь ни на чём...

Но вдруг внимание Семендяя привлёк рыбак, сидящий в лодке! По его движениям было совершенно очевидно, что он поймал нечто о-о-очень крупное и теперь силился вытянуть, но ему это никак не удавалось. Что-то у него пошло не так... леска, что ли, за что-то зацепилась?... Со всем рыбацким азартом Семендяй следил глазами за более удачливым собратом! Мужик в лодке не прекращал своих телодвижений, и Лопухий с нетерпением ждал – что же он вытянет? Но вытянуть у мужика не получилось, потому что неожиданно лодка вместе с рыбаком перевернулась! Мужик поплыл было к берегу, пытаясь тащить лодку за собой, но вдруг начал стремительно тонуть, *прямо на глазах у Семендяя!* С минуту побарахтавшись и изо всех сил стараясь вынырнуть, он отчаянно завопил о помощи. Лопухов, естественно, видя такое дело, медлить не стал и сразу же бросился на выручку, на ходу срывая с себя рубаху

– Помогите!.. Кто-нибудь!.. – из последних сил орал тонущий, всё реже появляясь на поверхности воды.

Лопухов плывал хорошо, поэтому быстро добрался до полу-захлебнувшегося человека и, ухватив несчастного утопленника за шиворот, старался удержать его голову над водой.

– Ногами в водорослях запутался, – вытаращив глаза и отплёвываясь от воды, пробубльнул спасённый мужичок, – никак не размотаю!

– Держись, я сейчас!

Семендяй рывком выхватил свой нож, который всегда имел при себе, ловко поднырнул под стреноженного мужика и быстро перерезал путы на его ногах.

Уже через несколько минут они оба голышом сидели на берегу, поскольку все свои промокшие одеяния разложили и развешали просушиваться на солнышке. Наконец-то, весь этот кошмар позади! Настало время и познакомиться:

– Носорогов, Николай Геннадьевич, глава Администрации сельсовета, проживаю в селе Педрилово, – широко улыбнувшись, представился спасённый, протянул руку и пояснил, – сейчас нахожусь в заслуженном отпуске!

– Лопухов, Семендяй Симеонович, ... э-э-э... дачник, у Анастасии Петровны Бобылёвой комнату снимаю... в Каннибаловке, – ответил Лопухов на крепкое рукопожатие нового знакомого.

Оказалось, что у Носорогова тут неподалёку, в зарослях ракитника, был припрятан рюкзак со съестными припасами, и он радушно предложил:

– А не сварганить ли нам обед по случаю знакомства? – и выразительно щёлкнул себя по горлу.

Семендяй, естественно, с радостью поддержал такое начинание – да и кто же откажется? Тем более что и сам был не с пустыми руками. У запасливых мужичков отыскалась картошечка, лучок, солёное сало, деревенский хлебушек и, конечно же, заветная бутылочка! Короче говоря, через некоторое время над костром уже весело булькал котелок, распространяя на всю округу аппетитный запах тушёнки. Когда всё было готово, Николай эффектным жестом фокусника выдернул из маленького кармашка рюкзака пластиковые стаканчики и разлил в них драгоценную прозрачную влагу:

– Давайте, Семендяй Симеонович, за знакомство!

– Давайте!

Новоиспечённые друзья одним махом заглотив содержимое стаканов и дружно навалились на похлёбку – оба устали и уже изрядно проголодались! Дружно работая ложками и челюстями, они в то же время не переставали разговаривать.

– Рыбалка в этих местах – дело опасное, – сообщил Николай, – хотя карп тут ловится – вот такой! – и он широко развёл руки, держа в одной руке ложку, а в другой – кусок хлеба.

– И чем же эта река так опасна? – с блаженной улыбкой поинтересовался быстро захмелевший Лопухов. – Вон, кругом красота какая! – и очертил вокруг себя (тоже ложкой!) широкий полукруг, обозначая этим изобилие красот в окружающем пространстве.

– Вы тут не местный, поэтому, конечно, не можете всего знать, – охотно пояснил Носорогов. – Но знайте – если встретите тут гуляющих козлов, значит – жди вскоре утопленника! А иной раз и сам чёрт-водяной козни подстраивает – рыбу распугивает, леску обрывает, сети рыболовные путает, да так, что ни за что не распутаешь – выкидывать приходится! Может потехи ради и лодку перевернуть на ровном месте, тогда только держись! Вы молитву «Отче наш» хорошо помните?

Лопухов поднапрягся, но вспомнились почему-то только два слова – «сущий на небесах», и всё. Потом он вспомнил про упомянутых только что козлов и заинтересованно спросил Николая:

– С водяным всё понятно, – а при чём тут животные?

– Да не животные они, эти чёрные козлы, а самые настоящие черти! Вот шёл я сегодня на рыбалку – решил коротким путём пройти, чтобы лишние километры не наматывать – и в аккурат на такого чёрного козлину набрёл! Ну а дальше ты сам видел – чуть не утонул я в десяти метрах от берега, – и уверенно заключил, незаметно перейдя на «ты», – Кабы не ты – всё, какюк мне! – и многозначительно чиркнул оттопыренным большим пальцем по горлу.

– А ещё, брат, такое тут случается, что и во сне не увидишь! У нас тут бесы запросто по небу носятся!

– Да ну-у-у?... – изумился Лопухов, а потом отмахнулся от этих слов, выражая полнейшее в них неверие. – Брехня, поди!

– И ничего не брехня! – слегка обиделся Носорогов, а затем перешёл на шёпот, чуть ли не вплотную придвинувшись к Семендяю. – Чистая правда! Сегодня ночью сам видел – вот те крест! – и он размашисто перекрестился. – Вышел я ночью на крыльцо покурить, смотрю – бес над лесом несётся, а на нём мужик здоровенный сидит! Четное слово – собственными глазами видел!!! – и в доказательство привёл самый весомый аргумент, – я ведь возле леса живу!

Лопоухов никак не отреагировал на летающего мужика и постарался перевести разговор на другое:

– А ещё что тут у вас бывает?

Носорогов сразу перестал обижаться и с охотой продолжал:

– А месяц назад я рыбачил тут же, – и он ткнул пальцем куда-то за спину, – и вижу, что неподалёку колдун по реке идёт в чёрной рясе с капюшоном, а колдун тот, между прочим, давным-давно помер, вскоре после войны! Идёт он, значит, по воде, а в руке у него кинжал сияет ритуальный – острый, огненный, на кошку смахивает! Так что ты думаешь? Наутро грибники нашли нашего лесничего Григория Россомаху с отрубленной головой! В самой чаще леса! Долго тут полиция копала, всех не по разу допрашивала да переспрашивала, но так ни до чего и не докопалась!

Сам следователь тогда всё удивлялся, – и как только вы тут живёте? Что ни случись – днём с огнём концов никогда не найдёшь! Никаких улик, никаких следов, никаких свидетелей, – самое криминальное место в районе и области!

– А что – и в самом деле так? – уточнил Семендяй.

– Именно так! – утвердительно кивнул Носорогов, – потому что место здесь непростое. В этих краях испокон веков ведьмы жили, поэтому – много чего тут было! Да любого спроси, всем известно – раз погиб человек, значит, без нечистого тут не обошлось, это уж как пить дать!

Ты видел, – как из деревни выйдешь, справа на пригорке старая деревянная церковь стоит, совсем разрушенная?

Семендяй подумал немного, потом осторожно поддакнул:

– Видел, вроде... И что?

– Так знай! Там всё время призрак невесты бродит, и не дай бог с ней повстречаться – непременно изба сгорит! У нас в Педрилове уже седьмой погорелец за это лето!

– А кто она, эта невеста? Из ваших же, деревенских?

– Не знаю, и никто не знает! Может, и вправду какая невеста погибшая, а может – оборотень людей будоражит! Колдун этот...

Ну, а сам-то колдун откуда взялся? Или он из местных, – свой, так сказать?

– Я сам его, конечно, не застал в живых, но вот батя мне рассказывал, что такие дела проворачивал этот колдунище – в страшном сне не привидится! Многие на него озлились, да только изловить никак не могли – оборотень, одним словом! Но и он мстительный был. Даже после его смерти по все окрестным деревням долго ещё всякая чертовщина творилась! То неизвестно откуда взявшийся табун лошадей пронесётся, все посева подчистую вытопчет, то вдруг среди жаркого сухого лета река разлилась – сколько домов и огородов затопило в тот раз, ужас! Вот уж после того случая у людей совсем терпение лопнуло, собрались мужики могилу его найти да кол осиновый в поганца вогнать, да не тут-то было! Сразу такая засуха началась, что хоть дома бросай и иди на все четыре стороны. В садах-огородах всё засохло, в поле – травинка по травинке, и те пожухли, лес и вовсе как обгорелый стоит, в колодцах воды не стало, а речка эта, – он мотнул головой в сторону реки, – и вовсе тоненьким ручейком по дну чуть струилась! Тут уж не до поисков могилы всем стало. А как поиски прекратились, так понемногу всё опять и наладилось. Но пакости так и не заканчиваются! Вон в Волчановке недавно – мне шурин рассказывал, жена у меня оттуда – идёт он домой с работы, а навстречу ему сосед сено везёт на телеге, да только сам сидит на телеге *задом наперёд!*

– А вот это уже враки! – засмеялся Семендяй, представив себе эту картину, – так не бывает!

– Ещё как бывает! – рьяно возразил Николай, – если печные трубы в спираль закручиваются, а вёдра в колодцах одновременно все в лепёшку сминаются, – это как, по-твоему?

Семендяй благоразумно решил не раздувать эту щекотливую тему и задал другой вопрос:

– Я вот слышал, что ваш колдун любит за молодыми невестами наведаться, и многих уже погубил. Это правда?

Носорогов боязливо оглянулся по сторонам и зашептал Семендяю чуть ли не в самый локатор:

– Истинная правда! И не только за невестами, но и за женихами, и вообще за молодёжью. Вот за старухами он не ходит.

– А баловник он у вас, однако, – насмешливо сощурился Лопухов, – ой, проказник...

– Не то слово, – охотно подтвердил Носорогов, – но вот шутки с ним плохи! Говорят, с нечисто силой он водится. Да вот хотя бы расскажу тебе прошлогодний случай! Как сейчас помню – пошли мы с соседом Петром Митрохиным за грибами. А груздей в том году было – видимо невидимо! Вот идём мы с ним, переговариваемся, а он и давай шуточки отпустить насчёт колдуна и насмеяться над ним, – вот не верю, говорит, что он оборотень! Если и вправду так, то пусть он моей покойной матерью обернётся, тогда поверю! Иначе брехня всё это, старушечьи придумки! И что ты думаешь? Поворачиваюсь я к нему, а его – нет! Пропал грибник! Мы уж и надежду потеряли найти его, а он через десять дней сам вернулся – весь обросший, глаза безумные и худой, как драный кот. А когда немного в себя приходиться начал, рассказал нам, как встретил в лесу свою матушку, сильно обрадовался, а она его привела в свой дом, и он там у неё и прожил всё это время. А потом очнулся на болоте, весь оборванный да комарами изгрызенный, еле дорогу до деревни нашёл. А ты говоришь...

Так наши рыбаки проговорили чуть ли не до вечера и расстались добрыми друзьями. Когда Лопухов зашёл в дом и увидел Анастасию Петровну, то с шутивым огорчением развёл руки:

– Ничего не наловил!

Но тут же заметил, что лицо у бабульки выглядит очень озабоченным, и ей сейчас совсем не до шуток. Видно было, что рыба постояльца в данный момент её ничуть не интересовала.

– Беда пришла, Семендяй Симеонович, – обеспокоенно сообщила ему Анастасия Петровна. – Сходила я к Сорокиным, и не зря! К ним во двор тоже кто-то туфлю подбросил, правую. Они тоже утром нашли. Посомневались мы, и пошли с этими туфлями к матери покойной Катюшки Воронцовой. И что Вы думаете?

Семендяй молча слушал её и только хлопал глазами – он пока что ничего не думал по этому поводу. А бабулька выдержала эффектную паузу:

– Она признала Катюшкины туфли, сама в них дочь обряжала! Так-то вот!

– Э-э-э... и зачем же их, в таком случае, из гроба вытащил? И каким образом? И кто?

– Сходили мы и на кладбище, Семендяй Симеонович! А там всё в порядке, никто могилку не ворошил.

– А. может, это всё-таки не её туфли? – засомневался Лопухов.

– Будьте уверены, Семендяй Симеонович! Да и материнское сердце не обманешь! И, кроме того – на туфлях особая метка была, так что второй такой пары быть не может! Такие вот наши дела. А у Сорокиных свадьба на следующей неделе, так они теперь сильно разволновались, как бы беды не случилось!

– Да суеверия это всё, – попытался Семендяй успокоить хозяйку дома, – просто шутка у кого-то неудачная вышла, может, просто невесту поугубить хотели!

– Хорошо, если бы так... – тяжело вздохнула Анастасия Петровна и начала растапливать печь. – Мы сначала тоже так подумали, а после для верности решили к цыгану сходить, чтоб он карты раскинул. Не поверите – но что ни скажет, всё слово в слово сбывается! Так он по-разному карты раскладывал, а всё одно получается – каждый раз Полинке свадьба выпадает!

– Ну, так ведь это замечательно! – подхватил обрадованный Лопухов.

Честно говоря, он не понимал беспокойства из-за этих туфель, да и к карточным прогнозам всегда относился весьма скептически. Как профессиональный гробокопатель он верил только в то, что можно увидеть глазами и потрогать руками.

– Как раз ничего замечательного в этом нет, – возмущённо запротестовала Бобылёва, – уж про это-то любой ребёнок в деревне знает: если от покойника подарок получил – свадьбе не бывать! А ещё цыган и на меня ведь карты бросил, так вообще непонятное что-то выпало – к покойнику! А то, что на моём да на сорокинском дворе эти туфли оказались – так это покойник меня и Сорокину чем-то связывает. Вот только чем – не понятно, тут цыган никак не смог точно увидеть. Вот мы с Сорокиной и закручинились – и свадьбе быть, и покойнику быть... и что нам теперь делать? Ох-хо-хо, – горестно заохала бабулька, – приветы с того света никогда к добру не были...

Коряга внимательно слушал да слушал все эти новости и кое-что на ус наматывал, делал для себя какие-то выводы, а потом решил на местное почтовое отделение наведаться – проверить, так сказать, входящую корреспонденцию. И результат проверки его весьма порадовал, так как Алмазов собирался быть в Каннибаловке на следующей неделе, в субботу.

– Вот и ещё одного спеца несёт на мою несчастную голову, – с раздражением высказался Коряга по этому поводу и машинально потёр шишку на темечке.

А потом, надумав кое-что интересное, бес злорадно ухмыльнулся, изъясил письмо, тщательно припрятал его в свою набрюшную сумку и отправился в дом Полинки Сорокиной, которая тоже с утречка получила туфлю покойницы – не мешает на всякий случай разведать, что там и как. Лишние знания ещё никому не повредили!

Застал он Полинку весьма огорчённой и опечаленной! Однако – красавица, отметил про себя Коряга. И стал он здесь свидетелем одной неприятной и тягостной сцены – сцены ревности. Хотя, конечно, насчёт приятности и неприятности – это вопрос весьма спорный, ведь всё зависит от того, с какой точки зрения посмотреть на это дело. Поэтому – что для Полинки было неприятностью, для беса было очень даже приятно!

В Полинкином окне, как оказалось, уже битый час негибаемо торчал бывший её кавалер – Василий Горемыка. Он никак не желал мириться с положением брошенного жениха, и никак не мог поверить, что у *его* Полинки в самом деле скоро состоится свадьба *с другим!* Сначала ему казалось, что она просто выгибается и капризничает после очередной его выходки, но вот до свадьбы осталась уже неделя, а она что-то всё ещё не одумалась, не собирается даже – и это уже начинало беспокоить Ваську и действовать ему на нервы. Так что, наступив на горло собственной гордости сапогом сорок шестого размера, Васька пришёл мириться, и сейчас он уговаривал Полинку бросить своего нынешнего жениха.

– Ну что ты в нём нашла? – в сотый раз канючил Горемыка, – мне назло, что ли, замуж собралась? Ну, поссорились мы маленько... ну, с кем не бывает... а, Полинушка?

– Сам, Василий, виноват! – в сотый раз отвечала Полинка, уже теряя терпение. – Не надо было по девкам бегать! А теперь о чём говорить?

– Да не виноват я, Полинушка! Это меня бес попутал, разлучник проклятый! Ты ведь меня знаешь, – да нешто бы я по доброй воле?.. Сам не понимаю, как это получилось! Ну, прости дурака...

– Ладно, хватит переливать из пустого в порожнее! Уходи, пожалуйста! У меня через неделю свадьба, и тебя туда никто не приглашает!

– А я вот возьму, да и приду! Посмотрим тогда, что твой Лёня мне сделает!

– Ох, Василий, и бешеный же ты... – тихо проговорила Полинка и уже как-то отчуждённо посмотрела на бывшего ухажёра, – у тебя всегда кто угодно виноват, только не ты! Ты не нагулялся, а кто-то другой страдать из-за тебя должен... эх, ты!

Исчерпав все доводы, Васька беспомощно привалился к стене, а Полина, выходя из дома, в сердцах так хлопнула дверью, что тяжёлая конская подкова, висевшая над входом, сорвалась с гвоздя и врезалась с ускорением свободного падения точнёхонько в пороссячий носик Коряги. Бедный Коряга ойкнул и схватился за пятак, а от этого ойкнул ещё сильнее, поскольку ещё после прошлого раза к этому нежному дыхалу невозможно было прикоснуться от сильной боли – и горячие слёзы обильно брызнули из глаз незадачливого беса. А Полина, услышав падение подковы, вернулась, спокойно подобрала её и аккуратно пристроила на прежнее место.

– Ну вот, только этого ещё не хватало! – сквозь слёзы и сопли обиженно повизгивал Коряга, – пропади всё пропадом! Опять путь перекрыли!

Не мог теперь бес нормально из избы выйти, пришлось опять по-бесовски через дымоход на волю выбираться. Обидно стало Коряге:

– У Васьки ревность разыграла, а у меня – ещё одна травма! Нет, не одна даже, а сразу две – моральная и физическая! За что!!!

А ещё вспомнил Коряга попутно и о выбитых зубах – и совсем горько ему стало! Но потом подумал Коряга о предстоящей свадьбе и о своей хитроумной задумке – и вроде как на душе сразу немного полегчало!

– Ну, ничего, ничего, – погодите! – сам себя подбадривал побитый Коряга. – Ещё повеселится род бесовский на вашей свадьбке! Оторвёмся по полной!

Однако ревнивый и отвергнутый Васька Горемыка не стал сидеть, сложа руки, и ждать милости от природы! Он задумал провернуть одну каверзу – образно говоря, виртуозно исполнить наивысший аккорд своей лебединой любовной песни! Да так, чтоб надолго запомнили Ваську Горемыку!

Вернулся он от Полинки злым, непримиримым и исполненным решимости довести дело до конца. И уже даже не сам факт свадьбы раздражал Василия до крайней степени, нет, тут давило совсем другое! В гораздо большей степени раздражало его то, что его более удачливым соперником стал не кто-то другой, а ненавистный Лёнька Лихой – сын местного мафиози Лихого Бориса Леонтьевича, который крепко держал в своём волосатом кулаке всю округу вместе с потрохами.

Правда, Лёнька был бесконечно высокомерным, но красивым и статным парнем. А поскольку сам имел внешность привлекательную, то и не удивительно, что в жёны захотел взять тоже первую красавицу всех окрестных территорий. Симпатичных девчат, конечно, немало было, но Полинка была – чудо как хороша! Однако, несмотря на постоянную улыбку и вежливое обращение, Лёньку в народе не любили, не приглашали ни в один дом и вообще старались держаться от него подальше – с ним вообще предпочитали не связываться.

Ходили слухи, что Леонид упорно искал могилу чёрного колдуна, чтобы кроме беспредельной власти отца иметь ещё и магическую власть над всеми плебеями. Но поиски его успехом не увенчались, и теперь он занимался тем, что курировал (якобы!) крупный молокозавод, на котором, поговаривали, он варил не только сыры, но и промышлял кое-чем не совсем законным. А покровителей имел таких, чьи имена люди вслух лишней раз произнести опасались. Поэтому ни про него самого, ни про его деятельность предпочитали просто не говорить, – так оно как-то спокойнее было!

Василий, несмотря на предстоящую свадьбу, на сто процентов был уверен, что Полинка любит по-прежнему его, – а то, что выходит за Лёньку, так это вообще ни о чём не говорит! Она-то ему, может, и нравится, но о какой-либо любви с её стороны не может быть и речи! Понятно ведь, что надоела девчонке бедность деревенская – а тут такой шанс из опостылевшей жизни вырваться, какая же упустит! Вот и Полинка не устояла!

Дома никого не было. Васька припечатал на стол бутылку «Пшеничной», достал из подпола холодных хрустящих огурчиков и выудил из бадейки, которую мать приготовила, чтобы телёнка покормить, несколько небольших картошек в мундире – почему-то ему сейчас захотелось не матеиноного борща, ни бабкиных пирогов, а именно вот такой, настоящей мужской еды! Затем торопливо налил стопарик, выпил залпом и стал вслух рассуждать сам с собою, поскольку ему просто необходимо было выговориться:

– Ну, нет, подумать только! – погрузившись в тягостные размышления, Васька без конца теребил свои кудрявые волосы, – Лёнька, этот задрипанный искатель могил всяких чернокнижников – жених Полины! Это просто невозможно! Ну, погоди, волчий хвост, устрою я тебе свадьбу! всю жизнь меня помнишь будешь! Не всё можно купить на ваши поганые деньги! Ох, и попомнишь ты Горемыку! – и со всей дури треснул кулаком по столу.

– Ты кому это тут угрожаешь? – раздался от порога знакомый голос.

Это пришёл морально поддержать Василия его закадычный дружок Владимир Козня. Этот крепкий парень, сосед Горемыки, был одним из лучших механизаторов в районе. И Василию он сейчас сочувствовал всей душой!

– Проходи, Козня, садись! Раздели со мной моё горе! Слыхал, поди, что моя Полинка через несколько дней за Лёньку Лихого выходит? Вот я и решил ему это дело так просто с рук не спускать!

– А что ты поделывать можешь? В двух домах уже полным ходом подготовка идёт! Так что ты надумал?

– Не знаю пока, – честно признался захмелевший Василий, – но что-нибудь обязательно придумаю! Давай, Козня, выпьем за то, чтоб их свадьба не состоялась, чтоб навсегда разрушилась! Эх, взмахнуть бы сейчас волшебной палочкой – и всё в порядке!..

– Ладно, давай наливай! За хорошее дело отчего же не выпить? – Владимир подхватил на вилку огурец, – хотя, честно говоря, не представляю даже, чем ты сейчас этой свадьбе помешать можешь. Подумай хорошенько, ведь чуть дёрнешься – Лёнькин батя от тебя мокрого места не оставит! А ты с самой-то Полиной разговаривать пробовал?

Друзья выпили за надежду в этом безнадёжном деле, и содержательная беседа продолжалась:

– Говорил, да что толку? Меня же ещё и бешеным назвала! А я не бешеный, ты же, Вован, знаешь меня – я просто справедливым гневом пылаю и понапрасну сгораю в огне страсти, ярости и огромной любви! Чтоб его черти взяли, этого козла блатного! Я ему молокозавод взорву – вот что я сделаю! Если даже свадьбу не разобью, так хоть настроение им попорчу!

– Да остынь, дурак! – беззлобно осадил друга более трезвый Вован. – Тебя же ещё и под суд отправят! Тут другое требуется. Не гони коней, тут обстоятельно помыслить надо!

И оба друга погрузились в глобальные размышления, выбирая наиболее изошрённую месть для постылого Лёньки, и думая, как не допустить его скорую женитьбу на Полине. Они обсуждали разные варианты, один чудовищнее другого, и даже не подозревали, с каким восторгом и жадным интересом слушал их увлекательную беседу покалеченный Коряга.

Но вдруг Козня наклонился к самому уху Василия и что-то ему прошептал, что именно – бес прослушал, а вот отставной жених сразу повеселел, даже захохотал как-то по-злодейски, и оба выпили ещё раз за неременный успех! Теперь уж в успехе они не сомневались! За разговором друзья не заметили даже, как «уговорили» бутылку...

А у Коряги были свои планы и заботы. Поэтому, как только два друга распрощались, он сразу же решил навестить дом местного воротилы Лихого. Сказано – сделано! Осмотром дома Коряга остался чрезвычайно доволен! Это был приятный дом – там не жили противные домовые и прочие домашние животные, а весь подвал был заставлен не солёными огурцами с квашеной капустой, а бочками и бутылками с выдержанными и коллекционными винами. И вообще, атмосфера в доме была самая позитивная – все его обитатели курили, не стеснялись в выражениях, да и весь их моральный облик вполне устраивал повеселевшего беса. Наконец-то он нашёл место, где можно дух перевести, свободно вздохнуть и немного расслабиться, не ожидая коварного нападения! Здесь Коряга чувствовал себя в своей стихии!

Здесь надо сказать, что шикарный дом Лихого находился в самом крупном и богатом посёлке района, носившем звучное поэтическое название Змеюкино, и располагался на самой окраине, вплотную примыкая к лесу. Неподалёку от посёлка, за рекой, располагался и прибельный молокозавод Лихого. Когда-то в далёких девяностых, когда всё вокруг подряд рушилось и разваливалось, предприимчивый Бориска стал владельцем небольшого каннибаловского коровника, и ездил он тогда на разбитом «Запорожце». Это уже много позже заделался он уважаемым Борисом Леонтьевичем, стал рассекать по округе на огромном внедорожнике – да ещё дома в гараже стояло с десяток иномарок, целый автопарк, – и смог сосредоточить в своих руках практически неограниченную власть. Про него ходило много противоречивых слухов, причём хороших не было ни одного, но больше всего людей отпугивала его охрана, набранная из бывших уголовников. Хотя, как известно, алкаши, наркоманы и уголовники – бывшими не бывают! Теперь несколько человек, избранных из криминального контингента, являлись личными телохранителями Бориса, а также бдительно охраняли дом и молокозавод своего крутого шефа. Проживали все эти добры молодцы в отдельно стоящем просторном флигеле на обширной территории усадьбы Лихого. Понятное дело, что Лихому опасались перечить, – как рядовые жители, так и местные власти разных уровней, потому что никто не хотел связываться с его беспощадными церберами.

Самым внимательнейшим образом проверив все углы, Коряга с комфортом устроился на великолепном камине и с большим интересом стал прислушиваться к происходящему между отцом и сыном разговором. Тут же присутствовала и личная охрана.

– Твой дом, Леонид, уже практически готов. Сходил бы ты, посмотрел, может, какие переделки на твой взгляд потребуются, – заботливо говорил Борис Леонтьевич, обращаясь к Леониду. – А так сделали всё, как ты хотел – на втором этаже спальни, на первом – холл, гостиная и кабинет, а баню с бассейнами справа пристроили... ну и выходы запасные предусмотрены... при нашем положении в обществе – всякие ситуации следует просчитать наперёд!

– Значит, теперь с турецкой баней будем? – живо поинтересовался Кряня, один из охранников.

Был он сплошь покрыт татуировками и потому со стороны казался тёмно синим и выглядел несколько устрашающе – особенно, когда в жаркие дни ходил без рубашки, имел бритый шишковатый череп со множественными шрамами, и кличку получил от своей незамысловатой фамилии – Крынкин. А как его звать по имени – никто не знал, да он, наверное, и сам уже давно позабыл об этом.

– Да, – свысока ответил Леонид на его вопрос, – не всем же жить с доисторическими деревенскими банями и дощатыми сортирами в конце огорода! Для современной жизни требуется современное жильё, модернизированное, так сказать! – и, считая вопрос исчерпанным, повернулся к отцу, – ладно, сегодня же съезжу, дом посмотрю, откладывать больше некуда, скоро заселяться туда буду! Отец, а когда на охоту соберёмся? Хочу до свадьбы на кабана сходить, поразмяться немного! В газете вон писали, что за Каннибаловкой трёхсоткилограммового секача завалили!

– Последние деньки на всю катушку отгулять хочешь? – гоготнул Крыня.

– Тебе, Крыня, этого не понять, – с гримасой досады на красивом лице осадил его Леонид, – ты сам-то хоть когда-нибудь был женат? Нет? Вот и помолчи!

– Да на черта мне эта обуза, – сбавил тон Крыня, – бабу и так найти можно...

Но он не успел развить свою философию дальше, поскольку на самом интересном месте его притормозил сам Лихой:

– Заткнись, Крыня! – мягко попросил он, – пожалуйста, не вмешивайся!

– Да я что? Да я ничего! – пошёл на попятный Крыня и опять перевёл взгляд на хозяйского сына. – Женись, сколько хочешь! Я только смысла в твоей женитьбе не вижу – вот и всё! Ну, сам посуди, кто – ты, и кто – она, эта Сорокина! Что тебе даёт этот брак?

– Тебя это не касается, – раздражённо огрызнулся Леонид, – что надо, то и даёт! А ты своим делом занимайся, лучше вон про охоту подумай!

– А что мне думать? На это егеря есть, пусть он и думает! А моё дело – только ружья подготовить.

– Послушайте, – вставил своё слово другой нервный бандит, Иван Случко, или просто Сучок, – вы разве не знаете, что лес в Каннибаловке не простой, а с причудами? Я бы ни за какие коврижки туда на охоту не пошёл! Да ведь все этот лес за три версты обходят!

– Вот и хорошо, что обходят, – спокойно ответил Борис Леонтьевич, – нам на охоте конкуренты не нужны. Так что ты, Иван, тоже можешь ружьями заняться. Только поаккуратнее в этот раз!

Это он намекнул на прошлогодний досадный случай, когда Иван чистил винтовки и, случайно выстрелив, ранил садовника, который в это время подрезал розы. Недовольно скривившись, Случко вышел из комнаты в компании с Крыней.

– И далась же ему эта охота в Каннибаловке! Будто других мест нет! – сплюнул он с досадой, удалившись от дома на безопасное расстояние. – Слышь, Крыня, там не так давно двух мужиков нашли мёртвыми. Лежали они прямо около костра, где ужин свой варили. А причину смерти им написали – обхохочешься! – удушье газом! Это как же ухитриться надо, что на свежем воздухе помереть, задохнувшись от газа? Я думаю, что там что-то такое случилось, от чего у них сразу сердце остановилось. Так что в том лесу – не то ли что кабанов, зайца облезлого не захочешь!

Коряга же, немного отдохнув и проникнувшись текущей информацией, вытащил из набрюшной сумы драгоценное письмо Алмазова и бросил его в почтовый ящик Лихих, довольно усмехаясь и радостно потирая свои лапы. Вот теперь попляшешь ты у меня, гад Лопухий, мало не покажется! Не раз ещё попомнишь ты Корягу, гробокопатель хренов!

К слову сказать, несмотря на то, что до Каннибаловки добраться было очень непросто – деревня не была забытым медвежьим углом. Так уж сложилось исторически, что поголовно все мужики в округе были и рыбаками, и охотниками. Поэтому, едва открывался сезон охоты (и даже если не открывался), как со всех сторон устремлялись они сюда – кто по тропам, кто в объезд, кто через новый мост – и все расползались по Каннибаловскому лесу в поисках добычи, несмотря на все страхи и суеверия. Что тут скажешь, – охота пуще неволи!

Тем временем в самой Каннибаловке разговаривали между собой три женщины, встретившись на крыльце деревенского магазинчика, который на современный манер назывался мини-маркетом, – одна из них была Мария, мать умершей Катюши Воронцовой, вторая – Ирина, мать нынешней невесты Полинки Сорокиной, и соседка Сорокиных – пенсионерка Елена Родионовна Лубкова.

– Ох, девоньки, неспроста Катюшкины туфли тут оказались, – вешала шустрая старушка Лубкова, – точно говорю вам – это колдун за очередной невестой прийти хочет! Ой, чую, не бывать свадьбе Полинки с этим... Леонидом! – выразительно подчеркнула она последнее слово.

– Ну почему ты, Елена Родионовна, всегда только злое говоришь? – оборвала её Сорокина. – Где бы что бы ни случилось – так у тебя сразу колдун во всём виноват! Уж в наше-то время нельзя такой тёмной быть, разумом надо жить, а не предрассудками!

– А почему, скажите, вторая туфля у бабки Бобылёвой во дворе оказалась? – спросила Мария Воронцова, – она-то, вроде, ни в какой замуж не собирается!

– А вот увидите! – продолжала «пророчить» Лубкова, – почему – не знаю, но только и Бобылихе надо колдуна в гости ждать. Не чисто что-то в доме её! Раз получила подарочек от покойницы – быть трупу! Вот помяните моё слово, атеистки!

Зловещее карканье старухи настолько раздражало Воронцову, что она даже отвернулась в сторону:

– Я могла бы подумать, что это просто чья-то жестокая шутка, но на туфлях моя метка стоит, – тихо проговорила она, – когда я их покупала, у меня сразу денег не хватало, я и попросила девчат из магазина отложить эту пару для меня. Вот тогда я незаметные меточки и поставила, чтобы знать, что именно эти туфли мне на другой день достанутся! Так что это – Катенькины туфли...

– Надо к бабушке сходить и спросить, что всё это значит. Как он скажет, так и сделаем! – решительно предложила Ирина Сорокина.

У неё у самой дочь была накануне свадьбы, и она прекрасно понимала, *что* сейчас должна чувствовать Мария, обнаружив туфли похороненной дочери-невесты чуть ли не в разных концах деревни.

– И к бабушке незачем идти, тут и так всё яснее ясного! – с умным видом изрекла всезнающая Лубкова. – *Колдун* это – неужели вам до сих пор не понятно? *Колдун!*

– Да всё-то ты у нас, Елена Родионовна, знаешь! И по всех, и за всех! Вот только помочь ничем не можешь! – не сдержалась Сорокина. – Впустую языком болтать все горазды, а вот как до дела доходит... – и она безнадежно махнула рукой.

Полинка ещё издали увидела ярко красную иномарку Леонида. Она вышла за ворота и теперь стояла, ожидая, когда он подъедет. Улыбающийся жених вышел из машины, ласково обнял девушку и немного наклонился, заглядывая ей в глаза. Парень сразу понял, что она чем-то сильно озабочена! Он приподнял за подбородок её личико и требовательно спросил:

– Это из-за кого ты так нахмурилась? Из-за Горемыки, что ли? Если хочешь, можно ему трёпку задать, чтоб не зарывался!

– Нет, Леонид, не делай этого. Не *стоит*, – отвела она от лица его руку, – и не из-за Василия вовсе я расстроилась. Представляешь, кто-то мне туфлю Кати Воронцовой подкинул, нехорошо это.

– Не понял, – отстранился Леонид. – Может, её старые вещи на помойку повыкидывали, а собака ваша нашла эту туфлю, да и притащила домой. И что из этого?

– То-то и оно, что не понял, – тихо повторила Полинка. – *Дело в том, что её в этих туфлях похоронили!*

– А! Въехал! Это прикол такой, да? – засмеялся Леонид, но увидев, что Полинка по-прежнему остаётся серьёзной и озабоченной, решил уточнить, – а с чего ты взяла, что это те самые туфли?

– Мать её сказала. И перестань, пожалуйста, смеяться! Это совсем не смешно!

– Ну, даже если и так – отдай ей эту туфлю назад, и всё! В чём, собственно, дело?

– Ещё раз повторяю тебе, – терпеливо сказала Полинка, – дело в том, что туфлю невозможно вернуть законной владелице, потому что Катя была в ней похоронена.

Леонид никак не мог взять в толк, как подобной ерундой можно забивать себе голову! Неужели перед свадьбой не о чем поговорить, коме как о покойничких туфлях? Ему действительно было смешно всё это!

– Слушаешь всякую чушь, да ещё и веришь в это, – ласково укорил он нахмурившуюся Полинку, – выброси куда-нибудь эту несчастную туфлю – и забудь! – и, красуясь собой, горделиво сообщил ей, – наш дом наконец-то достроили. Поедешь со мной посмотреть?

– Конечно, поеду, – впервые улыбнулась Полинка.

Леонид галантно открыл перед ней дверцу автомобиля, и девушка легко вспорхнула внутрь.

Через двадцать минут они уже подъезжали к масштабной новостройке, которая упиралась прямо в лес.

– Лёнь, а почему дом уж слишком как-то на отшибе стоит, а не в ряду вместе со всеми? – удивилась Полинка.

– Зато простору больше! – и пояснил, – это чтобы не мешался никто!

Леонид открыл входную дверь и, взяв невесту за руку, завёл её в дом, предвкушая, как она сейчас начнёт ахать и восхищаться. Дом был тёплый, бревенчатый, ещё пахло свежими досками, и все пустые пока комнаты были залиты солнечным светом. Будущие молодожёны прошлись по всему дому, разглядывая все углы и рассуждая, как они будут обустраивать эти хоромы. Дом был действительно красивый, но несмотря на обилие света, он почему-то казался Полинке мрачноватым и не очень уютным. Но говорить об этом Леониду, она, конечно же, не стала – ведь он от души радовался их будущему гнезду! А у неё нет полной радости, наверное, оттого, что вся история с подкинутой туфлей всё-таки оставила в душе неприятный осадок – так решила Полинка и постаралась поскорее забыть об этом, как и советовал Лёня. Хоть ненадолго забыть.

– В спальню мебель уже везут! – деловито сообщил Леонид, как будто оборудовал офис. – Мы с отцом заказали итальянский гарнитур «ANTIQUARIATO» за двадцать с лишним тысяч евро, – похвастался он, не удержавшись. – Да и вообще во всём доме будет итальянская мебель!

– Лёня, а правду говорят, что тут будет турецкая баня? – поинтересовалась Полинка.

– Правда, – заулыбался Леонид и потянул её за руку, – только не «будет», а уже есть! Пойдём, покажу!

Они спустились по лестнице, прошли через весь первый этаж, пересекли кухню и открыли совсем другую дверь. Тут перед взором Полины предстал восхитительный турецкий хамам, такой, какой Полинка видела по телевизору в бесконечных турецких сериалах, и ей сразу вспомнились султаны, их жёны и многочисленные наложницы, которые любили проводить время, млея в таких вот банях под звуки пения и чарующих восточных мелодий. Всё здесь было отделано белым мрамором и керамической плиткой в синих, белых и голубых тонах. Красота кропотливо выложенных мозаик не поддавалась описанию! А бесконечно высокий, как ей показалось, куполообразный потолок, был искусно оформлен под ночное небо благодаря наличию в нём множества маленьких светильников-звёзд.

А Леонид уже увлекал её всё дальше, с увлечением рассказывая о каждом помещении, которых тут было – заблудиться можно! Сначала шла просторная раздевалка, за ней располагалась парная какой-то необычной формы, напоминающая раскрытую ладонь с широко разведёнными пальцами, а в третьем помещении были созданы все условия для того, чтобы можно было расслабиться, отдохнуть и просто охладиться. А ещё тут имелось три бассейна для воды разной температуры, как объяснил Леонид – для тёплой, нейтральной и холодной. И, кроме

того, в бане был сделан тёплый пол и установлены столы и лавки для проведения всевозможных массажных процедур. У Полинки даже голова слегка закружилась от всего этого великолепия:

– Даже слишком красиво, – осторожно высказалась она, – не ожидала...

– Ничего, привыкнешь! – беззаботно отозвался Леонид, и они направились на выход.

– Интересно, к чему это я тут привыкну? И привыкну ли вообще? – тихонько произнесла Полинка, следуя за Леонидом к машине, но он этого, конечно, не услышал.

Леонид довёз девушку до дома и теперь возвращался в отцовское имение, вспоминая всю поездку и какой-то дурацкий разговор о покойнице тужле, и даже головой покачал от недоумения:

– Ну, надо же! Взрослый человек, а верит во всякую чушь собачью! – потом великодушно разрешил, – ладно, пусть пока во всякую ерунду поиграет! Вот через несколько дней замуж выйдет – не до того станет!

Уже повернув к дому, Леонид заметил свет в бане. Солнце уже село и поэтому это не мог быть отблеск лучей в оконных стёклах – в бане явно кто-то был. Интересно – кто же это? Наверное, отец или кто-нибудь из его амбалов!

Леонид вспомнил, что надо бы поинтересоваться у них насчёт подготовки ружей, и резко вывернув руль, подъехал к бане. Открыв дверь в предбанник, он уже собрался было отпустить какую-нибудь шуточку, но внезапно осекся! Он не только не услышал знакомых голосов, а более того, что было совсем непонятно и удивительно – *из парной доносился тихий плач!* Что за чёрт? Это кто ещё рыдает у них в бане?

Леонид был парень не робкого десятка, поэтому он в несколько шагов подскочил к парилке и резко рванул на себя дверь. Но от того, что он там увидел, ему действительно *плохело!* В бане не горел ни один светильник, а туманный призрачный свет излучала полупрозрачная фигура девушки в подвенечном наряде и роскошной фате. Она ничего не делала – она просто стояла посреди бани и плакала. Увидев Леонида, она перестала всхлипывать, улыбнулась и медленно пошла к нему навстречу, протягивая руки...

Леонид всмотрелся в кольшущиеся черты девушки и с ужасом узнал в ней Катю Воронцову, невесту школьного учителя – умершую накануне свадьбы! Он не мог отвести взгляда от этого ужасного видения и не мог произнести ни слова, он только чувствовал, как силы и разум покидают его. Уже лёжа на полу и теряя остатки сознания, он успел заметить затухающим зрением, что эта невеста стоит *босиком...*

Очнулся Леонид оттого, что его хлопают по щекам и с силой трясут за плечи.

– Лёня... Лёня... Да очнись же ты, к чертям собачьим! Лёня.. Лёня... Очнись... – настойчиво повторял хриплый голос.

Когда Лёня разлепил глаза, в открытые настежь двери бани лился яркий солнечный свет. После того, как он смог, наконец, сфокусировать бессмысленный поначалу взгляд, он увидел над собой милые родные лица отцовских телохранителей.

Один из них был бывший боксёр со специфически изуродованной физиономией, отсидевший восемнадцать лет за особые зверства, Лёва Битнев, или попросту Бита. Хриплый голос принадлежал именно ему.

Другим был Роман Лушаков, омерзительный тип с неподвижной рожей, не выражающей ни малейшей эмоции, и бесцветными бледно голубыми глазками. Но все предпочитали не смотреть в эти глазки, потому что, заглянув в них – у человека возникало непреодолимое желание куда-нибудь провалиться или вообще испариться. У Лушакова за спиной тоже было несколько ходок. А поскольку очень любил он предаваться одной невинной забаве – раскатывать людей асфальтовым катком, то и получил выразительную кликуху Катов.

Увидев, что Леонид открыл глаза, оба спасателя облегчённо вздохнули.

– Леонид, ты чего тут валяешься? Угорел, что ли? – радостно прохрипел Бита.
– Да не должно бы, – возразил ему Каток, – баня-то не топилась!
– А мы смотрим – машина твоя у бани! Думаем, что тебе тут понадобилось в разгар рабочего дня? Ждали, ждали, а ты всё не выходишь! Дверь открыли, а ты тут в отключке лежишь! Чего ты в осадок-то выпал? – в два голоса торопились объяснить охранники, перебивая друг друга.

Леонид потихоньку смог сесть, прислонившись к стене. Оглянулся внимательно – но кроме них троих в бане никого не было. Он поморщился – от ушиба сильно болела голова. Ударился, когда упал без сознания.

– Где она?

– Кто? – одновременно переспросили Бита и Каток.

– Невеста.

– Лён, да тут, кроме тебя никого не было, – ухмыльнулся Бита, свернув золотыми коронами.

– Это у тебя просто перед свадьбой нервы сдали, много про невесту думаешь, – поспешил успокоить Леонида Каток, – но ничего, скоро женишься, вот всё и пройдёт!

– Лён, тебя отец ищет! Срочно! – раздался голос спешащего к ним Крыни. – А я ищущу тебя, потом машину твою увидел! Иди быстрее!

Леонид немного постоял на ослабших ногах, но силы быстро вернулись к нему, и послушный сын энергично заспешил к дому.

Войдя в дом, Леонид сразу прошёл в кабинет отца. Тот сидел за дубовым столом и держал в руках какой-то конверт.

– Вот, полюбуйся, сын! Почитай! По случайности в наш почтовый ящик попало!

Леонид взял письмо – конверт как конверт, ничего особенного. Потом увидел адрес – деревня Каннибаловка, улица Зелёная, дом 6. Лопухову Семендяю Симеоновичу.

Он поднял на отца недоумённый взгляд – и что?..

– Это адрес старухи Бобылёвой! Да ты вытащи письмецо-то, почитай!

Леонид извлёк из конверта сложенный вчетверо листочек в клеточку, явно вырванный из школьной тетрадки. Развернул, быстро пробежался глазами по короткому тексту и даже присвистнул от удивления! На нескольких строках было написано краткое сообщение, *но какое!*

Приветствую тебя, Семендяй Симеонович!

Буду в субботу... такого-то числа... Раньше приехать не могу. Реликвии колдуна охраняй тщательно, я сам хочу его книги и *прочее* посмотреть. О цене договоримся.

И внизу стояла затейливая завитушка подписи.

Леонид с любопытством схватился за конверт – это кто же тут у нас отправитель? А увидев – Алмазов Генрих Спиридонович – присвистнул ещё раз! Про этого легендарного антиквара Лёнька был хорошо наслышан. Да и реликвии колдуна сколько лет искал! Так что он сразу прекрасно понял, о чём идёт речь!

В нём сейчас бушевал самый настоящий ураган чувств и эмоций, они перехлёстывали через край и мешали дышать!

– Отец, а кто этот Лопухов? Ты не знаешь? Что-то я про такого прежде не слышал? – смог он, наконец, выговорить срывающимся голосом.

– Уже узнал. Постоялец бабки Бобылёвой, комнату у неё снял на всё лето. Типа дачник. А на самом деле – гробокопатель, широко известный в узких кругах, – усмехнувшись, ответил Лихой-старший. – Так что решай, сын, что будешь делать!

– Конечно, я займусь им, никуда он не денется! Вот тебе и дачник, тихоня! Ну и чёрт побери! – покачал головой Леонид, – сколько лет я эту могилу искал, а нашёл ей какой-то Семендьяй Лопухов!

Леонид ещё несколько раз чертыхнулся от избытка чувств, вышел из отцовского кабинета и велел позвать Биту с Катком. Настроение его и так-то было попорченным – тут и ночная гостя в бане, и то, что, несмотря на скорую свадьбу, за Полинкой настойчиво ухлёстывает новый участковый, а тут ещё и какой-то Лопухов возник неизвестно откуда! А обиднее всего было то, что он столько сил и времени потратил на поиски захоронения колдуна Юргиса, а повезло какому-то случайному хмырю, и именно он первым раскопал могилу, которую так долго и безуспешно искал сам Леонид!

Через пару минут перед ним нарисовались «двое из ларца – одинаковы с лица» и вопрошающе уставились на Леонида:

– Зачем звал, командир?

– Работёнка будет не пыльная, – и он вкратце обрисовал ситуацию.

Исполнительные служащие внимательно всё выслушали и переглянулись, нехорошо улыбаясь:

– Ясно! А чего ж, этого любителя рыть чужие могилки очень даже можно припугнуть! Так что там у него забрать надо?

– Абсолютно всё, что этот шустрик выкопал. Но самое главное – книги и клинок, похожий на красную кошку.

Бита и Каток понятливо закивали.

– Дак мы сегодня же вечером и наведаемся к нему в гости! – радостно уточнил Каток, соскучившийся по *настоящей* работе.

– Зачем в гости? Мы его у ворот встретим, – поправил его Бита и с явным намёком толкнул Катка под бок, выразительно подвигав бровями, – там и объясним, что к чему!

К концу этой содержательной беседы к сей дружной компании присоединился Лихой-отец.

– Только смотри у меня, Каток, чтоб никаких трупов и членовредительств! Ясно? – жёстко обратился он к Катку.

– Ясно, шеф, – глаза Катка зверски блеснули, – не боись, не зарежем!

– Мокруха нам тут ни к чему! – подчеркнул старший Лихой и уже спокойнее повторил, – с мокрыми делами у нас завязано, так что ведите себя пристойно и вежливо, иначе церемониться не стану! Вы меня знаете. Тем более что уже свадьба на носу! Со стороны Сорокиных, пожалуй, вся деревня явится, и приглашать особо никого не придётся, так что уж, пожалуйста, обойдитесь без фокусов! Пришли, забрали, ушли! Всё!

– Так мы пошли? – обратился Бита к Леониду.

– Пойдёте сегодня, но попозже, когда уже совсем стемнеет. Я с вами не пойду, буду ждать вас здесь, а то лишние слухи и сплетни мне сейчас ни к чему! – деловито напутствовал друзей Леонид.

– Как скажешь, командир, – и Бита с Катком вышли из комнаты.

Участковый Александр Иванович Улиткин, молодой интересный парень с густым ёжиком непослушных волос, уже больше года пребывал в этой хлопотной должности и давно пришёл к выводу, что с деревней Каннибаловкой явно что-то не так! Уж слишком часто погибали здесь люди, а розыск виновных осложнялся тем, что поскольку все мужчины в округе поголовно были охотниками, то практически в каждом доме имелось современное гладкоствольное оружие и охотничьи ножи, да ещё хранилась куча всякого старья в виде дедовских берданок!

Недавно случившееся убийство двух браконьеров – кстати, даже и не местных, а из соседней области, так и осталось не раскрытым, добавив ещё один всяк. А уж страшная и непо-

нятная гибель лесничего Григория Россомахи совсем выбила Александра из колеи! Убили его, как и браконьеров, отравив газом, только потом ещё зачем-то и голову отрезали! Просто изверство какое-то!

Смерть браконьеров ещё можно было как-то с большой натяжкой объяснить – они жили в шалаше и просто могли забыть выключить газовую горелку, хотя это объяснение с самого начала и до конца было шито белыми нитками! Да никак невозможно задохнуться таким ничтожно малым количеством газа, находясь при этом на вольном воздухе! Но, несмотря на это, «наверху» порешали так, что это было самоубийство по неосторожности, – хотя даже сам следователь в это ни на грош не верил!

А вот то, что случилось с лесничим, вообще не поддавалось никакому объяснению! Он так же умер от удушья, отравившись газом, но ведь его нашли не дома, а в густом лесу, да ещё и обезглавленного! Тут уж никак на самоубийство не свалишь! Нашёл его местный алкоголик Трёшкин, да ещё и «весёлые» частушки сходу сочинил про это:

Куда в деревне не пойду,
Всюду мигом труп найду!
Только есть один секрет —
Тело есть, а бошки нет!

Понаехали менты,
Чтобы нам крутить хвосты!
Среди нас виновных ищут,
А по лесу бесы рыщут!

Хоть с кокардой ты во лбу,
Закатай свою губу!
И хотя вы мастера,
Не найдёте ни черта!

Весёлый, однако, тут народ – им бы подальше от греха по домам сидеть и носа не высовывать, а они, таланты доморощенные, по всякому поводу частушки сочиняют! Улиткин с досадой подёргал себя за короткие волосики и почесал в затылке – нигде никаких следов, ясно только теперь, что это было предумышленное убийство. Были у нашего участкового смутные подозрения на Лёньку Лихого, но доказательств его отношения к этому делу тоже не было, а ведь, как известно, не пойман – не вор! Могли это и бывшие уголовнички душеньку потешить, но фактов – тоже не было никаких! В общем, замкнутый круг какой-то!

А Коряга тем временем решил наказать и проучить противную бабку Бобылёву и теперь старательно копался у неё в колодце под залиvistый лай неугомонного Шарика. Он долго пыхтел и возился, торопясь отвести воду из колодца, и наконец, ему это удалось. Вода ушла. Осталась на дне только небольшая лужица – совсем так себе! Уставший бес полюбовался на плоды своих трудов и сел на край колодца – передохнуть от непосильной работы. Правда, долго посидеть ему не удалось, потому что противный Шарик налетел на него как бешеный, какой уж тут отдых! Вот ведь сумасшедший пёс – вздохнуть не даёт! И пришлось Коряге пересечь на ворота, – уж там-то Шарик его никак не достанет, даже если от собственного лая наизнанку вывернется! И Коряга, весело наблюдая за тем, как Анастасия Петровна безуспешно пытается успокоить своего пса, радостно потёр лапки:

– Вот так тебе, мерзкая бабка! Потаскай-ка теперь воду из колонки с другого конца деревни! Да и Лопухий твой тоже пусть с ведёрками побегаёт, жирок порастрясёт – поди, не сломается! ... Чуть все рёбра мне не переломал, кабанище!..

А бедная бабулька действительно обомлела и очень расстроилась, когда обнаружила, что её колодец внезапно высох. Она очень сокрушалась, – но что поделаешь! – и сразу засеменила в чулан за коромыслом и вёдрами. Да уж, в её-то годы к колонке не набегаешься, но – что делать? Что делать?

– Слышь, Семендяй Симонович, горе-то какое приключилось – вся вода из колодца ушла! Теперь вот на колонку за водой ходить надо будет! Не сходишь ли ты потихоньку как-нибудь? – просительно обратилась Анастасия Петровна к постояльцу.

– Схожу, конечно, о чём разговор! – и Лопухов, схватив вёдра, умчался водой.

Когда он вернулся с водой, то сразу увидел бабушку, перегнувшуюся над колодцем. Она опустила вглубь колодца привязанный на верёвку старинный керосиновый фонарь и что-то старательно там высматривала. Затем, с трудом разогнув поясницу, жалобно обратилась к Семендю:

– Симеоныч, родненький, залез бы ты туда, посмотреть – в чём дело? Может, ещё как-нибудь наладить получится... починить там что-нибудь...

Семендяй, конечно, ничего не соображал в колодцах, но чтобы не обижать добрую старушку и успокоить её, быстренько согласился:

– Хорошо, хорошо! Залезу и посмотрю! Вот только лестницу сначала принесу, – и без особого желания Лопухов отправился за лестницей.

Лестница бережно хранилась в сарае, но была она настолько древней, что показалась Семендю едва ли не в десять раз старше своей владелицы! Семендяй выволок лестницу во двор и, бегло осмотрев её, понял, что прежде чем рискнуть встать на неё и отремонтировать что-там с помощью этой лестницы – ей самой требуется основательный ремонт! О чём и доложил расстроенной бабульке.

– Очень старая лестница, кое-то в ней подправить надо – сейчас я этим и займусь, а колодец завтра с утра посмотрю!

Бабулька только вздохнула – конечно, её очень хотелось бы начать ремонтировать колодец немедленно, прямо сейчас, но перечить она не посмела, чтобы Семендяй не рассердился на её настойчивость и вообще не отказался от этого дела.

Семендяй не спеша принёс все инструменты и занялся починкой лестницы. В одном месте требовалось подколлотить, в другом – закрепить и укрепить, а несколько перекладин вообще надо было полностью заменить для собственной же безопасности. Лопухов стоял, смотрел на это безобразие, задумчиво почёсывал в затылке и понимал, что тут проще новую стремянку сделать, чем эту рухлядь реанимировать, но – приходилось работать с тем, что есть. А Коряга с удовольствием наблюдал за его размышлениями и суетой – ничего, побегай, Лопухий, побегай, только на пользу пойдёт!

Через два-три часа работы Семендю всё-таки удалось привести лестницу в божеский вид! Он прислонил её к колодцу, собрал инструменты, убрал весь мусор, оставшийся после ремонта, и только после этого вошёл в дом, пребывая в самом благодушном настроении. За это время благодарная и воспрянувшая духом бабулька приготовила вкусный ужин. Семендяй не мог устоять перед такой вкуснятиной, он ел, ел, ел, – и объелся! Да чего там объелся – он просто обожрался как свинья, даже самому стыдно стало! ... Но уж очень было вкусно!

После ужина, блаженно отдуваясь, Лопухий с удовольствием растянулся на кровати, взяв перед этим в руки книгу колдуна. Некоторое время он с любопытством разглядывал не совсем понятные картинки, а потом вдруг окликнул бабульку:

– Анастасия Петровна, послушайте-ка, что тут написано! – и начал читать вслух. – «В случае засухи или внезапного высыхания колодца, когда вода покидает жилище, надобно обратиться к стихии воды. Делать это следует вечером, после захода солнца.

Во-первых, сделай духу воды подношение в виде высушенной лягушки, помазав её каплей собственной крови.

Потом встань на берегу реки, где есть высокий обрыв, и брось лягушку в воду со словами – «Великий Дух, верни мне в дом свои воды, как все реки на земле вливаются в моря и океаны. Великим своим дождём омой мою землю!»

После этого поклонись, поблагодари духа воды и быстро уходи домой, не оглядываясь, что бы ты ни услышал позади себя!

Из дома можно выйти только на следующее утро. Если всё сделаешь правильно, пойдёт большой ливень и вода снова вернётся в твой колодец». Ну и как Вам это нравится, Анастасия Петровна? Может, попробуем? Проведём, так сказать, комплексные мероприятия, – и сами ремонтом займёмся, и дух воды пусть подсобит, раз такой уж он специалист в этом деле! Ну, так как?

Бабулька посомневалась ровно одну секунду, а потом решительно взмахнула своей сухонькой ручкой:

– А и попробуем! Чего нам терять-то? Только где же нам лягушку засушенную найти?.. – ненадолго призадумалась она, а потом радостно воскликнула, – а, знаю! погоди-ка, милоч, я сейчас живо за лягушкой к цыгану сбегать! Он всякие травы и всякую живность сушит – целительством занимается! Уж лягушка-то у него точно должна быть!

И, окрылённая надеждой, бабулька резво побежала за сушёной лягушкой. Вскоре она вернулась и с радостным блеском в старческих глазах гордо протянула Семендю маленькую раскоряченную мумию несчастного земноводного. Он с некоторой брезгливостью принял сей драгоценный трупик и осторожно завернул в газетку. Однако вполголоса осторожно прокомментировал:

– Фу, какая гадость!

– Ну а что Вы хотите, Семендяй Симеонович! – решительно возразила шустрая старушка. – Колдовать – так колдовать, иначе навсегда без воды останемся!

С этим было не поспорить. Затем бабулька прошла в свой угол, открыла стоящий там старинный доисторический сундук и к огромному удивлению Семендю извлекла из его недр хорошо поношенный и давно полинявший чёрный плащ с капюшоном! И подала Семендю это сомнительное одеяние со словами:

– Вот, наденьте! По-другому обряд проводить нельзя! Да лица своего духу не показывайте – опасно это!

Семендяй недоверчиво посмотрел на этот плащ, которому было невесть сколько лет – сразу на ум пришло «в обед сто лет», и как-то нехорошо подумал:

– А деревня-то и вправду, похоже, ведьмачья...

За всё время своего пребывания в Каннибаловке Лопухов уже неплохо изучил все изгибы река, а потому прекрасно знал, где есть хороший подходящий обрыв, и ближе к сумеркам начал туда собираться.

Коряга с интересом наблюдал за сборами и последующими перемещениями противного Гробокопателя. А уж когда Лопухов осторожно вышел из дома, украдкой озираясь по сторонам, Корягу и вовсе любопытство разобрало, – куда это он, на ночь глядя, намылился? И, само собой разумеется, – любознательный бес увязался следом за Семендеем.

Уже далеко за полночь, закончив обряд с духом воды, возвращался Лопухов обратно в деревню. Погода стояла прекрасная – мягкая, тёплая, тихая, даже ветра не было. Красота! С неба светила полная луна и благодаря этому всё было достаточно хорошо видно, а потому

Семендяй шагал уверенно и быстро. А вот настроение Коряги было напротив очень мрачным! Несмотря на все прилагаемые усилия и старания, ему никак не удавалось забрать книгу у противного Лопухого! И вот теперь начинает сбываться самое страшное пророчество *Самого*, начинает происходить то, чего он больше всего боялся и опасался – *власть человека над силами природы!*

Лопухов был уже на полпути к дому, как вдруг буквально за считанные минуты всё небо заволочли неведь откуда взявшиеся тяжёлые огромные тучи, и пошёл дождь. Хотя, пожалуй, это не совсем правильно называть дождём, поскольку с небес обрушился на землю самый настоящий ливень! И, конечно же, под этими низвергающимися тоннами воды Семендяй в мгновение ока промок до нитки!

Но не только он один страдал сейчас от холодных секущих струй – Бита и Каток, спрятавшиеся в темноте за высокими кустами сирени, тоже промокли до самых кишок. К тому же резко похолодало, и у мокрых церберов громко клацали зубы от охватившего их озноба. К тому же ливень скоро перешёл в град, а в ночном небе не переставая вырастали исполинские молнии, и бесконечные оглушающие раскаты грома накладывались один на другой, не успев затихнуть.

– Да куда же провалился этот лопух? – тоскливо вопрошал Бита, громко стуча зубами от холода. – Сдох он где, что ли?

– Не ссы! Успокойся! Нет его в доме, я во все окна проверил. Так что всё равно рано или поздно этот лох подъявится! – как мог, успокоил Каток замороженного Биту, которого непрерывно сотрясала крупная дрожь. – Велено тебе ждать, вот и жди!

– И где только можно шляться в такую мерзкопакающую погоду? – не унимался Бита, еле шлёпая посиневшими губами.

– Да чёрт его знает! – злобно выругался не менее замёрзший Каток и тут же, слегка повеселев от приятного воспоминания, чувствительно двинул Биту локтем под ребро и мечтательно произнёс, – а помнишь, как мы с тобой в такую же погоду одного ханурика закапывали?

– Ты что, Каток? Совсем с катушек съехал? – осадил его Бита. – Закапывать и выкапывать – это вещи несовместимые! – и ворчливо закончил свою мысль, – нашёл, что вспомнить! Тут и так зуб на зуб не попадает, так ещё и град этот как булыжниками лупит – завтра, поди, всё тело в синяках будет!

Одному только Коряге теперешняя погода была по душе. Н него нашло лирическое настроение, и от избытка чувств он даже запел, отчаянно фальшивя:

У природы нет плохой погоды,
Каждая погода... как-то так...
Ночью, днём, – в любое время года
Запахи, магнолий аромат!..

О, море в Гаграх! О, пальмы в Гаграх...

– Хотя... вроде как-то... не совсем так, что ли... похоже, сбился чуток... Ну да всё равно песня от этого не стала хуже!

Слегка омрачало настроение Коряги только отсутствие заветных книг, а в остальном – жизнь была прекрасна и удивительна!

Тут по всему поднебесью раскатился ужасный какой-то, оглушительный гром, да так, что Бита с Катком машинально присели под кустами. А ветер поднялся такой силы, что едва не валил с ног здоровых крепких мужиков, и оба друга изо всех сил цеплялись за ветки, чтобы не упасть.

– Вряд ли рискнёт он идти под таким ливнем, – здраво рассудил Бита и чуть ли не взмолился, – может, потом придём, а, Каток?

– Не дури! – коротко отозвался Каток. – Дело надо закончить сегодня.

– А если он до утра не придёт?

– Ну... ладно... подождём ещё пару часов, – чуть пошёл на уступки Каток.

– Тупой ты, Каток! – тяжело вздохнув, констатировал Бита. – Да мы с тобой тут из-за этих допотопных книг воспаление лёгких получим и ласты склеим!

А, ладно!! Будь что будет! Бита решил безропотно смириться со своей участью и больше не возникать. Да и Каток больше ничего не говорил, терпеливо выжидая возвращения Лопухова.

Семендяй сначала хотел было переждать ливень под деревом, надеясь на скорое его окончание, – ведь летние грозы как быстро приходят, так же быстро и проходят! Но не тут-то было! Дождь уже превращался просто в чёрт знает что, и Лопухов быстро рассудил, что сейчас будет лучше всё-таки побыстрее добраться до тёплой безопасной избы. И насколько было возможно, припустил к деревне чуть ли не бегом, по колено утопая в грязи.

Бес по-прежнему кружил над ним, и вдруг – о, радость! – перед самым бабкиным домом, в зарослях сирени он увидел *засаду!*

– Ну, вот и всё, Лопухий, – допрыгался! Пришёл твой последний час! – злорадно возопил обрадованный Коряга.

Наконец-то справедливость восторжествует! Чтобы ничего интересного не пропустить, он даже не стал прятаться под козырёк над крыльцом, а удобно устроился на деревянной стремянке у колодца – отсюда он лучше сможет наблюдать бесславный конец никчёмной лопуховской жизни!

Изрядно запыхавшись, Семендяй добрался, наконец, до родных ворот, раскрыл их немного и змейкой проскользнул во двор, из последних сил торопясь к теплу и уюту. Вслед за ним во двор заскочили и братаны-уголовнички, но Лопухов их, конечно же, не заметил!

Уж как ему хотелось в этот момент поскорее оказаться в доме! Но он прежде всё-таки решил заглянуть в колодец, – как там с водой дело обстоит, не обманула ли книга? И к своему огромному удивлению и радости он увидел, что колодец уже полон – вода поднялась даже гораздо выше прежнего уровня! Ещё чуть-чуть и вообще польётся через край!

– Отлично! – с удовольствием проговорил Семендяй. – Просто великолепно!

Бита и Каток вытащили свои впечатляющие ножи и, мерзко ухмыляясь, не спеша подошли к нему с двух сторон. Уловив боковым зрением какое-то движение рядом с собой, Лопухов мгновенно обернулся и, сразу поняв, что эти двое пришли по его душу, попытался к соседскому забору, стараясь ни к одному из ночных «гостей» не поворачиваться спиной.

Бита – для пушшего эффекта и желая побольше нагнать страху на этого придурочного лоха, из-за которого он замёрз, как последняя собака, – правой рукой демонстративно поигрывал своим кнопчным ножом, а левой, картинно изогнувшись, оперся на край колодца. А сам, не мигая, в упор смотрел на Семендяя.

Коряга ждал – что же будет дальше? – едва не подпрыгивая от нетерпения. Уж очень хотелось увидеть мучительную кончину ненавистного Лопухового!

Но тут сверкнула неправдоподобно огромная молния, расколов надвое весь небосвод! Сквозь шум ливня, перекрывая его, послышался громкий треск. И не успели все трое, как говорится, даже глазом мигнуть, как от этого удара молнии мгновенно расщепился огромный раскидистый тополь, росший за забором на соседнем участке. Часть могучего ствола медленно отделилась, а через мгновение рухнула прямо на электропровода, протянутые вдоль всей

улицы. Провода, естественно не выдержали такого напора, и со звуком лопнувшей струны один из оборванных концов с силой шлёпнулся прямым в бабкин колодец!

Бита, рука которого только что покоилась на краю колодца с льющейся через край водой, был мгновенно убит разрядом тока высокого напряжения. Ведь чем выше разрядное напряжение, тем меньше время разряда! Не вдаваясь в закон Ома и прочие дебри физики, вспомним только, что самый опасный путь тока к сердцу – лежит через мокрую левую руку! Ведь *обычная*, не дистиллированная, вода – наипрекраснейший проводник тока! Бита содрогнулся, как-то нелепо выгнулся всем телом и повалился на лестницу. Всё это произошло за считанные секунды, и потому никто из присутствующих не успел среагировать на происходящее. В том числе и Коряга, которому опять не хило перепало! Потому что при падении Биты Коряга не удержался на лестнице и свалился в этот же злополучный колодец с оголённым проводом, где и получил незамедлительно свою порцию электрической энергии. При этом его долбануло и откинуло так удачно, что он со всего размаха прицельно приземлился на собачью будку, треснувшись об её угол своей многострадальной плешивой тыквой! После чего травмированный бес отключился, полностью потеряв сознание. Как-то «везло» ему в последнее время на это дело!

Изумлённый Каток только молча разевал рот, как вытасченная на берег рыба, и выпученными глазами смотрел то на Лопухова, то на Биту, который неподвижно лежал, раскинув руки, в грязи у его ног. Потом, так и не проронив ни слова, он выскочил из бобылёвского двора, и со всей доступной скоростью помчался по безлюдной деревне к дому Лихого, поминутно скользя, падая в грязь и даже не замечая этого.

А в доме Лихих всё было тихо и спокойно, и разбушевавшаяся стихия ни коим образом не повлияла на настроение его обитателей. Немногочисленная дружная компания смотрела телевизор, не спеша потягивая спиртное, когда в комнату ввалился грязный изгвазданный Каток с безумным взором в вытаращенных глазах. Он упал на колени, едва шагнув через порог, и теперь с некоторой опаской глядел на сурового Бориса Леонтьевича, который даже не приподнялся со своего роскошного кресла, а только с брезгливостью наблюдал, как Каток развозит тут уличную грязь. А сам Каток, несмотря на всю сложность своего нынешнего положения, хорошо знал, как поступают великие владыки с теми гонцами, которые принесли им похую весть! Помятуя об этом и по-прежнему стоя на коленях, Каток на пару метров приблизился к Лихому:

– Шеф, не губи! Биту убило! Током! Случайно! Провод оборвался!

– Повтори, что ты сказал! – зловещим спокойным тоном приказал Лихой.

Леонид взял пульт и выключил телевизор. В комнате повисла гнетущая тишина.

– Биту током убило, – дрогнувшим голосом тихо повторил Каток.

– Где? – продолжал вопрошать Борис Леонтьевич.

– Во дворе Бобылёвой, – ответил Каток, беспомощно озираясь на молчаливых слушателей и пытаясь найти в них хоть какую-нибудь поддержку.

– Ты что, сдурел?! – вдруг заорал Лихой, да так, что Каток даже вздрогнул от неожиданности.

– Дак ведь как было, – начал униженно оправдываться Каток, – ждали, ждали мы этого Лопухова, а его всё нет и нет! Она бабка по дому болталась! Потом сверху ливануло, молнии сверкать стали! Ну, потом вернулся всё-таки этот Лопухов – и мы во двор за ним. А этот хмырь, как нас увидел, чуть не обоср... я со страху и начал за колодец прятаться! А Бита возьми да и обопрись рукой о колодец, а ведь сплошная мокрота кругом! А тут молнией дерево разорвало, оно упало и провода порвало, вот оборванный провод и упал в колодец, – и всё! Конец Бите... А мне удирать пришлось...

– Каток!!! – ещё громче заорал разгневанный хозяин и треснул кулаком по столу. – Ну почему? Почему везде, где ты появляешься, всегда трупы? Ведь я же просил тебя – чтоб без мокрухи?

– Ну, просил...

– А что мы имеем в результате? – грозно бушевал шеф. – Теперь полиция сюда зайвится! И что мы ей будем говорить? Ты хоть раз об этом подумал?

– Но ведь это и вправду был несчастный случай! – слабо защищался Каток, понимая всю бесполезность своих оправданий.

– Да мне абсолютно наплевать – счастливый это был случай или несчастный, – угрожающе процедил сквозь зубы Лихой, – скажи мне – какого дьявола вы ждали этого уroda на улице под проливным дождём? Увидели, что его нет – зашли в дом, подвинули бабу, забрали всё, что надо, и спокойно ушли! Всё!

Каток по-прежнему продолжал стоять на коленях, опустив голову, и молчал, не смея возразить. А разгневанный хозяин продолжал бушевать:

– Каток, ответь мне – ты совсем конченный дурак?

Каток упорно молчал, не зная, как лучше ответить на этот непростой вопрос.

– Скажи, Каток, – какого чёрта вы на Лопоухова с перьями своими полезли?

С каждым словом сурового босса Каток всё больше съёживался, уже не ожидая для себя ничего хорошего, и лишь изредка испуганно таращился на Лихого.

– Но ведь нам сказали, – не убивать хмыря, а только хорошенько припугнуть... – невнятно проблеял поникший мученик.

– Да!!! Не убивать, а только припугнуть – *если бы он был дома!* Но, Каток, – *его дома не было!* Конченный ты дурак, Каток! Конченный дурак, и не лечишься! Ты что – забыл, что ты в розыске?

– Нет, не забыл... – чуть слышно пробормотала невинная жертва случайных обстоятельств.

– Вот что, Каток, – деловито произнёс Лихой, смываться тебе отсюда надо. Срочно! Скоро сюда приедут – тебя будут искать. Бери велосипед и дуй на всех парах в заброшенный дом лесничего. И затихни там на время. Понял?

– Понял, понял! – с облегчением закивал понятливый Каток.

Самое главное, что он хорошо понял, это то, что *его сейчас убивать не будут!* А остальное – переживём! Но на всякий случай всё же уточнил:

– Это дом того мужика, что с отрезанной головой нашли? Россомахи?

– Да. Именно там ты и заляжешь на дно!

– А почему велосипед, а не мотоцикл? – совсем уж осмелел Каток. – На велике по такой грязи – никак!

– Да потому, дурья твоя башка, что тогда мне надо будет объяснять – где мой мотоцикл? А велосипед искать никто не станет! Теперь понятно?

– Понятно...

– Ну а теперь – сгинь с глаз моих!

Каток понял, что гроза миновала, немного покорячился на полу, поднимаясь с затекших колен, и вышел из комнаты. А совсем вскоре – и из дома.

Лихой с ненавистью и глубочайшим презрением наблюдал в окно сквозь водяную завесу, как его безмозглый пёс исчезает с велосипедом в дождливой ночи:

– Какой невероятный дурень, а ещё головорез! Ну, детский сад, честное

слово! Это подумать только – два здоровенных амбала не могли вытряхнуть книгу из какой-то древней старухи!

А в это время Лопухов и Анастасия Петровна задумчиво стояли над трупом Биты и деловито рассуждали – что им теперь делать? Отступила в сторону радость от наполненного вновь колодца, они не обращали внимания на непрекращающийся дождь, да и вообще все дела враз отошли на второй план, поскольку сейчас – Бита был наиважнейшим вопросом, который требовал немедленного решения!

– Пойдёмте в дом, – позвала бабулька Семендяя через некоторое время, – там и поговорим обо всём спокойно.

Семендяй с превеликой охотой и радостью согласился на это предложение! Они вернулись в тёплую сухую избу, стянули с себя мокрую одежду, зажгли свечу, поскольку теперь света не стало во всей деревне, и, наконец, уселись за стол, готовые к обстоятельной беседе.

– Я вот что думаю, Анастасия Петровна, – начал Семендяй, – не надо нам сейчас полицию вызывать! Да и вообще, потом – она нам здесь тоже ни к чему!

– Согласна! – бабулька подпёрла сухоньким кулачком чистенькую морщинистую щёчку. Знаю я их – будут потом ещё целый год таскать нас со всякими объяснениями! Вот как сейчас помню – это ещё когда я в городе на металлоштамповочном заводе работала, – иду это я, значит, после работы к проходной и вижу, что кто-то едва ли не пудовую связку ложек приготовил, чтобы с завода вынести! Ну и сказала об этом на проходной охранникам нашим! Так потом затаскали меня по всяким начальникам – семь раз объяснительную писала! И всё-то докажи – куда шла, зачем шла да что перед этим делала?! С тех пор плюнула я на всякую бдительность – пусть хоть весь завод разворуют! Мне-то что? А тут – представляю, сколько нас из-за трупа допрашивать будут, а потом, чего доброго, ещё нас же и в убийстве обвинят, потому что всё равно других виноватых не окажется!

– Ну, такое – вряд ли... – засомневался Лопухов. – Его же током убило, и никто в этом не виноват. Да и видно ведь, что деревом оборвало провода!

– Мало ли, что видно! Не поверят! Скажут – специально подстроили! Всё мотив искать будут! А какой мотив? Ну-ка, пошевели мозгами...

Семендяй мозгами пошевелил, но на сей раз как-то бесполезно:

– Да не было у нас никакого мотива его убивать!

– Ладно... Тогда спрошу по-другому... А у него какой был мотив волочиться сюда в такую собачью погоду? – дала наводящий вопрос неугомонная бабулька.

– И какой же у него может быть мотив? – всё ещё не понимал Семендяй.

– А прямой! – торжествующе подняла бабулька указательный пальчик. – Кто могилку-то колдуна раскопал, а, Семендяй Симеонович? Дальше кумекай! Ведь этот дохлый придурок с Лёнкой Лихим в одном доме живёт, а Лёнка-то сам да-а-а-вно эту книжонку искал! Вот и придётся Вам, Симеоныч, все эти мотивы для убийства в полиции показывать! А Вам это надо?

– Нет, Анастасия Петровна, – согласился Семендяй, обескураженный железной логикой дальновидной бабульки, – мне это совсем не надо. А давайте-ка оттащим его подальше отсюда!

– Подальше – это куда? – задала старушка практический вопрос.

– В лес! – рубанув ладонью воздух, решительно ответил Лопухов. – Пока дождь идёт, все следы водой смое!

Бабка нехотя согласилась, другого-то выхода всё равно не было! Они по-быстрому напялили на себя непросохшую верхнюю одежду и снова вышли под дождь. Недолго потоптались вокруг Биты – принаравливаясь, как сподручнее тащить этого бегемота. Да к тому же мертвяк накрепко зажал в руке нож – не выдрать! Семендяй хотел было с силой выдернуть его из сжатого кулака, но бабулька только рукой махнула – не возись, не теряй время! Она живо соорудила две крепкие петли из каких-то старых ремней и захлестнула ими верхние конечности поверженного бандита. Всё делалось быстро и молча. Затем с помощью этих импровизированных «держалок» Семендяй ухватил Биту за одну руку, а Анастасия Петровна, несмотря

на то, что ей было крайне неприятно и противно до омерзения, изо всех сил вцепилась в другую клешню Биты, и они с трудом поволокли по грязи эту неподъёмную тушу в полтора центнера весом.

...Вернулись они уже под утро, когда забрезжил слабый ненастный рассвет – абсолютно грязные, исхлётанные тяжёлыми мокрыми ветками, уставшие и неразговорчивые. А вскоре и ливень начал стихать, сначала превратившись в обычный нудный дождь, – а потом и этот дождь быстро пошёл-пошёл-пошёл на убыль и, наконец, прекратился совсем...

– Вот до чего довело нас Ваше колдовство, – назидательно изрекла Анастасия Петровна, когда они с Семендьяем собрались позавтракать.

– Зато колодец быстро починили, – моментально отозвался Лопоухов. – А я вот всё думаю, не придут ли к нам его, так сказать, соратники, – искать убиенного током друга?

– Не придут! – с полной уверенностью ответила бабулька и добавила, – а вот Лёнька Лихой – точно говорю – скоро явится!

– Хм... Ну что ж, как придёт, так и уйдёт... – подумав о чём-то своём, нараспев произнёс Семендьяй, потом спохватился, очнувшись, – Я что-то о том беспокоюсь, что новостей от Алмазова нет. А по всем расчётам – ответ уже должен быть!

Тут раздался настойчивый стук в дверь. Семендьяй с бабкой, перестав жевать, быстро переглянулись – кого это там принесло? Но это оказалась всего лишь старушка-соседка, у забора которой рос злосчастный тополь, погубивший Биту, – Дарья Фёдоровна Симакова. Она поздоровалась и сразу с порога запричитала:

– Настасья, ты видала, как нам провода-то все распластало? Что делать-то теперь будем без света? – горестно взмахнула она руками. – Наверное, Носорогову писать придётся всей улицей! Как ты думаешь? – то нам как распластало? Теперь, наверное, Носорогову заявление писать надо будет? Что скажешь?

– Не беспокойся, Дарья! Раз надо, значит – напишем! Надолго без света не останемся! – ответила Анастасия Петровна и, продолжая разговор, – что писать да как писать, они с соседкой вышли на крыльцо.

А Лопоухов покончил с завтраком и, всё время помня о том, что скоро сюда может нагрянуть Лёнька Лихой, достал столь полезную колдовскую книгу и стал внимательно её перелистывать, пока взгляд его не остановился на нужном заголовке – «Противника с дороги сбить». В этом руководстве подробнейшим образом описывалось, как и когда надо выйти на перекрёсток, что следует сделать на этом перекрёстке, и напоследок произнести заключительные слова – «Хоть поедешь, хоть пойдёшь, мимо меня проедешь, мимо моей избы пройдёшь. И сколько ни будешь меня искать – бесконечной дороги тебе не миновать. Ключ, замок, язык! Да будет по слову моему!». Тут уж, чего греха таить – эти последние фразы особенно понравились Семендьяю! Вот как-то не жаждал он встречи с Лёнькой Лихим...

Лопоухов выждал положенное время, уже привычно собрал необходимую атрибутику и отправился на перекрёсток – проводить обряд. А чего время-то тянуть? Тем более в этой мутной Каннибаловке!

Когда он возвращался назад, погода уже опять вовсю заиграла, и яркое солнце заботливо обсушивало деревню, заглядывая во все щели. Семендьяй неторопливо шёл, наслаждаясь теплом и покоем после холодной беспокойной ночи. Немного не доходя до углового дома, где располагался деревенский «мини-маркет» и где обычно тусовались все местные старухи, обмениваясь своими снами, новостями и сомнениями, Лопоухов увидел на земле две тянущиеся тени, хотя самих людей пока не было видно из-за угла магазинчика. Зато хорошо было слышно, о чём они там негромко переговаривались! Из любопытства Семендьяй тихо приблизился к ним

и на мгновение чуть заглянул за угол. Он увидел, что это беседовали старый чёрный цыган с седыми кудрями и беззаботный разлохмаченный алкаш Трёшкин. Семендяй отступил на шаг назад, однако совсем уходить не спешил. Разговор, по-видимому, длился уже не одну минуту, но всё равно было очень интересно послушать!

– Так я что говорю, – вкрадчиво продолжал Трёшкин, – ты только вспомни – браконьеров-то где нашли? Напомню, если ты забыл, – в дальней стороне Чёртова кладбища, по направлению к Каннибаловке! А Россомаху я где нашёл? Совсем в противоположной стороне – у Лосихино острова! Ну, Россомаха-то местный был, а двое – залётные! Теперь кумекаешь? Получается, что *они свидетелями были!* Вот только надо узнать, – что такое недозволенное они случайно узрели? За что их порешили? Понимаешь? Так я к чему это всё веду – ты на картах своих это посмотреть можешь?

– Конечно, могу, – усмехнулся цыган и, по-видимому, вытащил откуда-то колоду карт, потому что через несколько мгновений прозвучало, – сдвинь карты, Трёшкин!

Потом, наверное, он их несколько секунд перетасовывал, потому что вскоре прозвучал короткое:

– Тяни карту!

А затем сразу приглушённое:

– Ну, ты, Трёшкин, и вытянул!

– Да чего не так-то? – возмутился Трёшкин.

– Чёрта ты вытащил! Значит, без колдовства тут не обошлось, вот что! Ясно теперь? Ну, всё, хватит, пошёл я!

– Нет, брат, погоди! Ведь не чёрт же браконьеров положил! Понятно, что это люди! – и недоверчиво добавил, – или вправду, как менты сказали – неосторожное обращение с газом?

– Слушай, Трёшкин, – терпеливо растолковывал цыган, – я тебе не участковый, которому железные факты нужны! Я на картах всё вижу, и ещё раз повторяю тебе, что без чёрта тут не обошлось! Поэтому однозначно – здесь убийство! Понял?

– Слушай, друг! А может, это ведьма их передушила? – не унимался дотошный Трёшкин, – ведь все знают, что она с чертями хороводится!

– Может, и она... – как-то неохотно согласился цыган, – да только кроме неё и другие есть, кто с бесами дружбу водит, и ты сам знаешь – кто!

После этих слов Семендяй настроил свои лопухие локаторы на всю возможную мощность, весь превратившись в один сплошной слух!

– Это ты... на Лихого, что ли... намекаешь? – чуть слышно прошептал Трёшкин.

– А на кого же ещё? – так же тихо ответил цыган. – Думаешь, откуда у них денег – горы немеряные? Такое без помощи рогатого не бывает...

Лопухов понял, что разговор закругляется и что самое интересное он успел услышать, и сразу же постарался незаметно уйти – не хотелось, чтобы его застали в таком двусмысленном положении! А что касается прочего – Семендяй не был трусом и повидал немало опасностей за свою долгую «археологическую» практику, но теперь ему стало очень и очень не по себе! Но, боже мой! Подумать только! В современном мире – и такая древность дремучая, как эта невероятная Каннибаловка!

А безвинно пострадавший Коряга, после того как его сначала шваркнуло током в колодце, а потом с размаху вдарило о собачью будку, с огромным трудом еле-еле приходил в себя. Несчастна голова его после двойного удара – током шарахнуло и об конуру зашибся – трещала по всем швам и гудела как самый большой церковный колокол! Чёрт побери, – и придёт же в голову такое кошунственное сравнение! Зато сразу становилось понятно, насколько бес повредился! Но, увы, тут ни одна травматология не могла помочь ему!

Вдобавок ко всему – за время многочасового лежания под дождём основательно вымокла и вспучилась пузырями вся шкура, да ещё очень болезненно ныло всё нутро. Ох, и тяжело было Коряге! Кое-как чувства возвращались к нему!

А противный домовый Прошка стоял рядом, с нескрываемой радостью любовался поверженным врагом и радостно похихикивал. Вот гад! Ещё и противный охрипший Шарик ластился к Прошке, угрожающе погавкивая на распростёртого Корягу. До чего же они тут все противные! И бабка, и Гробокопатель, и Прошка, и Шарик, и даже кот Васька – все, все противные!

Коряга изо всех силёшек тужился встать на ноги, но ослабевшие коленки подгибались, а неустойчивые копытца в жидкой грязи расползались в разные стороны. Пострадал Коряга ночью, а теперь всюду палило солнце и от беса во все стороны валил пар, как от кипящего котла. И от этого становилось ещё паршивее и неприятнее! Но, в конце концов, оставив бесполезные попытки подняться, Коряга поустойчивее зафиксировался на четвереньках и в таком непотребном виде довольно быстро выполз со двора на Зелёную улицу.

Но передвигаться по улице таким манером Коряге мешало буквально всё – повсюду валяющиеся обломанные ветки, вырванные с корнем деревья, упавшие заборы, сорванные крыши, какие-то перепутанные провода и проволоки и трактора, разгребающие возникшие за ночь завалы. Сейчас Коряге хотелось только тишины и покоя! Но, несмотря на все препятствия, он всё-таки ухитрился доползти до реки, и с облегчением растянулся на берегу. Уж тут-то его никто не ударит и сам он ни обо что не ударится! И Коряга, наконец-то, смог расслабиться и без помех предаться мечтам и размышлениям:

– Ненавистный противный Лопоухов! Знаешь ли ты, что тебя убить – и то будет мало?! А вот сейчас на досуге я хорошенько подумаю, что с тобой сделать! Очень хочется мне, гад Лопоухий, убить тебя – один раз и навсегда! Но нет – это будет для тебя слишком легко и не больно! Знаешь, Гробокопатель, я лучше тебя живьём закопаю! Ты всё равно сдохнешь, а мне – приятно! Хотя вряд ли тебя этим напугаешь... ведь ты у нас «копатель», так что, скорее всего, из могилки-то выкопаешься... Наверное, лучше сделать так – сначала я тебя как-нибудь искалечу, а потом убью! А, впрочем, и этот вариант не годится – слишком быстро и легко!! До чего же ты, гад, живучий! Хотя, кажется, одна неплохая идея мне пришла в голову! Придумал! Придумал! Вот тут-то тебе, Семендяюшка, небо с овчинку покажется! Я посажу тебя за убийство! Далеко и надолго! Там у тебя будет много свободного времени подумать о своём скотском поведении! Вот и посмотрим, насколько твои нервишки выдержат!

...Это Коряга вспомнил про убитого Биту! И запоздало подумал – а куда же он со двора подевался? А, может, крепкий Бита и не помер вовсе? Наверное, сначала он просто сознание потерял, а потом очухался и ушёл домой. Надо, пожалуй, этот вопрос провентилировать! Кстати – что же у них там намечалось? А, охота!

Коряге стало уже не до отдыха – заботы обуяли, и дела насущные гнали вперёд! Он кое-как поднялся и направился к дому Лихих...

В доме местного царька в самом деле полным ходом шли приготовления к охоте. Беседовали Борис Леонтьевич, Леонид, Крыня и Сучок.

– Сегодня пусть подсохнет, а завтра пойдём! – заботливо говорил сыну Борис Леонтьевич. – А ты, Крыня, подготовь моторные лодки! До егеря на моторках добираться будем.

– А как же книги?.. – забеспокоился Леонид.

– Книги? – Лихой на мгновение задумался, но тут же сообразил, – ну так ведь хмырь Алмазова ждёт, а тот пишет, что будет только к субботе! А сегодня вторник. Так что – пока мы будем охотиться, хмырь будет эти книги пуще собственного глаза беречь, стеречь и охранять!

– Это, конечно, так, – возразил Леонид, – но ведь Лопоухов-то об этом не знает! Ну, про то, что Алмазов тут в субботу быть собирается...

– А знаешь что, Лёня, чтоб попусту не волноваться – сходи-ка ты сам к Лопухову и предложи ему за эти книги деньги. *Неплохие деньги!* Он ведь, наверняка, не дурак! Вот и договорись с ним по-хорошему!

– Но ведь он и отказаться может, поскольку уже с Алмазовым договорился, – неуверенно выдвину Лёня хилый аргумент, – так что, не знаю даже...

– А мы Алмазова *сами* встретим и *сами* поговорим с ним! Тоже по-хорошему, – подбодрил сына отец.

– Ладно, убедил! – хлопнул себя по колену Леонид, – сегодня же съезжу в Каннибаловку!

– А почему к нам до сих пор полиция не пришла? – озабоченно вмешался Крыня, – уж полдня прошло, как Бита дуба дал! Давно, вроде, все на ухах стоять должны, а кругом – покой и тишина!

– Ушам своим не верю! – засмеялся Борис Леонтьевич. – Крыня, ты что – в самом деле по полиции соскучился?

– Да нет, конечно, – начал отнекиваться Крыня, – просто раз есть жмурик, то полиция по всем домам шмонать будет!

– Ладно, Крыня, живи пока спокойно! Успеешь ещё и с полицией поговорить, и с убийцей!

– Каким убийцей? – опешил Крыня. – Его же током убило!

– Вот что, Крыня, ответь мне лучше на такой вопрос – Лопухову во дворе у себя под носом нужен подарочек в виде разлагающегося Биты?

– Ну, это вряд ли... – засомневался Крыня, а потом вдруг догадался, – а куда тогда он его дел?

– А тебе это обязательно надо знать?

– Ну нет, конечно, совсем не обязательно... Только как же всё-таки с Битой быть? Ведь Лопухов-то видел Биту вместе с Катком! А что Каток с Битой здесь жили – вся деревня с радостью покажет!

– Покажет... если найдут нашего Биту...

– Может, самого лоха поспрашивать?... – высказал предположение Сучок.

– Помалкивайте! – повысил голос Борис Леонтьевич. – Когда надо будет, сам скажет!

– А если Биту искать начнут?

– Кто? – рыкнул Лихой, раздражаясь на тупость своих помощников.

– Ну, не знаю...

– И я не знаю! – хозяин поднялся, давая понять, что разговор окончен.

Без особого настроения Леонид сел в машину и поехал договариваться со своим конкурентом по гробокопательским делам, который неизвестно откуда свалился ему на голову. Честно говоря – после всех предыдущих событий ехать к Лопухову не очень хотелось. Но раз пообещал отцу... его лучше не гневить!

...Отец, скорбно поджав губы, недовольно покачивал головой и задумчиво наблюдал за тем, как машина выехала из двора...

Полина Сорокина беседовала с батюшкой, показывая ему туфельку покойной Катюши.

– Боязно мне, отец Михаил! Даже не знаю, что и подумать! И так-то все нервы на взводе, так ещё и *это!* Прямо накануне свадьбы! И мама сильно расстраивается – все говорят, что это плохая примета и быть беде!

– Ну, что тут сказать? Я совсем не уверен, что эта обувь принадлежит Воронцовой... Однако мать не зря беспокоится – от покойников действительно ничего нельзя брать! – ответил батюшка, – но если ты уверена, что это её туфли, то их надо вернуть – пойдешь на кладбище и закопай их в Катину могилку. Откажись от её подарка!

- Отец Михаил, – а зачем вторую-то туфлю к бабке Бобылёвой закинули?
- Пока ничего не могу сказать. Но, наверное, вскоре как-нибудь все узнаем! Но ты туфли обязательно верни! Потом приходи на исповедь и причастие.
- Хорошо, батюшка! Как Вы сказали – всё так и сделаю! Спасибо, отец Михаил! – у Полинки слово камень с души упал.

Леонид всё ехал и ехал и никак не мог доехать – дорога казалась долгой и бесконечной! Лёнька уже начинал «заводиться» – ведь за время своего жениховства он столько раз мотался к Полинке в эту чёртову Каннибаловку, что мог с закрытыми глазами показать каждый камешек и каждую выбоинку на дороге, и потому прекрасно знал, что езды туда – ровно двадцать минут! А он едет сейчас уже почти два часа! Он злился, останавливался, заводил машину снова, но дорога по-прежнему не кончалась, и дом Бобылёвой никак не наступал! Леонид принимал многократные отчаянные попытки – однако в этот раз доехать до деревни он так и не смог!

Окончательно измучившись, незадачливый переговорщик решил повернуть назад. Он чувствовал себя сейчас крайне раздражённо и очень неуверенно! Потому что ещё не забыл о призрачной невесте в бане, про которую никому не сказал ни слова, хотя сам помнил об этом постоянно, – так теперь вот и дорогу ему кто-то путает. А в том, что это именно так – он ничуть не сомневался! И даже мог догадываться – кто! Хотя разум не хотел в это верить, и потому Леонид легкомысленно отмахнулся от всех сомнений и дурных мыслей:

– А, ерунда! Просто устал немного от всех предсвадебных хлопот, вот нервы и разыгрались!

Успокоив себя таким образом и утомившись впустую петлять по грязным разбитым дорогам, Леонид направился к родному дому. И как назло, – первым, кого он встретил возле дома, был Борис Леонтьевич.

Лёньке не хотелось рассказывать отцу о своей дурацкой поездке, поэтому на его вопрошающий взгляд он с самой серьёзной миной деловито сообщил:

– Дома нет. Ждать не стал. Потом ещё раз съезжу.

Отец согласно кивнул головой и пошёл дальше, куда шёл. А Леонид для себя окончательно уяснил, что никогда он до бабкиного дома не доберётся, – дорога, ясное дело, заколдована! – и решил отследить Лопухова другим, более традиционным путём.

Вечером в доме опять состоялся «военный совет» по поводу охоты.

– Отец, до места как добираться будем?

– Как я уже и говорил. На моторках до егеря, Егора Чурикова, – у него хорошее охотхозяйство – там и остановимся, там же и на кабана сходим. Собаки у него есть, провиант я уже подготовил.

– А на заводе кто останется? – по-хозяйски поинтересовался Леонид.

– За это не переживай! – успокоил его отец. – И без тебя есть, кому на заводе остаться. Отвлекись немного от работы. А там посмотрим, что и как будет.

Леонид удовлетворённо кивнул и осторожно задал отцу другой вопрос:

– Что-то про Биту ничего не слышно. Как ты думаешь?..

– Дай бог, чтобы и дальше никто ничего о нём не услышал! – быстро ответил Лихой с надеждой в голосе.

Больше про Биту не было произнесено ни единого слова, и разговор опять перешёл на тему охоты.

– Конечно, охота – это хорошо, и нервы успокаивает! Да только мне не очень нравится, что уголья охотхозяйства расположены практически рядом с Чёртовым кладбищем, – с сомне-

нием проговорил Леонид, разглядывая разложенную на столе крупномасштабную карту области.

– Выбрось из головы всякую ерунду, – жёстко отрезал старший Лихой, – и просто наслаждайся моментом! И вообще, заруби себе на носу – чем меньше знаешь, тем дольше живёшь! Ясно?

– Ясно...

Коряга тоже сидел за столом и от души наслаждался изысканным тонким ароматом «Hennessy» – а это, между прочим, один из самых дорогущих коньяков в мире! Но почему бы и не позволить себе иногда, если вот как сейчас есть возможность! И благодушно настроенный бес тоже по-своему обдумывал предстоящую охоту около Чёртова кладбища. Он уже понял, что место это хорошее. Когда-то оно было простым деревенским погостом, а вот потом!.. Одному только Богу да сатане известно, сколько несчастных душ погибло в тех болотах – и беглые каторжники ещё царской поры, и массовые расстрелы в годы репрессий, да и просто заплутавшие грибники, не говоря уж о том, сколько жертв криминальных разборок навечно сгинуло там в далёкие девяностые... Да просто не кладбище на болоте, а настоящий адский сад блаженства на земле, да и только! Воистину пиршество бесовское – поскольку в последующие годы там не хоронили, кого попало, а исключительно лишь тех, кто свою душу ещё при жизни дьяволу продал.

Вот заманить бы туда Лопоухова! Уж тогда не ушёл бы он от справедливой мести Коряги! Уж тогда бы – всё, конец котёнку! И пучины болота Чёртова кладбища навсегда поглотят беспокойного гробокопателя Семендяя Симеоновича!..

Коряга прервал свои мечты на самом сладком месте и нехотя оторвался от стола. Как ни прекрасен был гостеприимный дом Бориса Леонтьевича, а надо возвращаться теперь в ненавистную избёнку старой Бобылихи – дела требуют! Идти Коряге не хотелось – плохое самочувствие после мощного удара током ещё давало себя знать, поэтому, вздыхая и охая, он перевалился через высокое бетонное ограждение огромной усадьбы Лихих, ловко поймал на улице чёрную курицу и, оседлав её, погнал в Каннибаловку.

А жители Змеюкина только испуганно крестились, глядя вслед напонуженной курице, которая дико кудахтала и с выпученными глазами ошалело неслась по главной дороге посёлка городского типа со средней скоростью отечественного автомобиля.

Вскоре на трёх лодках охотники причалили к небольшому пирсу во владениях Егора Чурикова. Сметливый частный предприниматель быстро прибрал к рукам полностью разваленное хозяйство. Он живо подсуетился и поставил чуть в стороне от своего домика добротную двухэтажную бревенчатую гостиницу и такую же основательную баньку неподалёку, а также приспособил движок для бесперебойной подачи электричества. Привёз и установил большой телевизор, бильярдный стол, оборудовал хороший бар и предусмотрел ещё кое-что из милых мужскому сердцу мелочей. Одним словом – создал максимальный комфорт для своих гостей! И теперь мог достойно принять областных руководителей любого уровня и организовать для них какую угодно охоту, да и не только своих – в соседних областях о нём тоже уже хорошо были наслышаны. К его чести надо сказать, что и простых охотников он тоже пригласил с не меньшим радушием – так что с его появлением охотхозяйство резко пошло в гору, всем охотникам на радость!

И это даже несмотря на то, всё охотхозяйство располагалось в самой опасной зоне огромного Каннибаловского лесного массива! Все приезжие, конечно, в той или иной степени были наслышаны о некоторых странностях этого леса. Но – кто беспечно отмахивался от этих сказок, кто просто не обращал внимания на подобные слухи, считая всё досужим вымыслом местных мужиков – чтобы чужих отвадить от богатого дичью леса, а кто если и верил – то в компании

оно вроде и не так страшно было! В общем – с разными мыслями прибывал к Чурикову народ со всей округи, но всех гнала сюда первобытная мужицкая страсть охотника и добытчика! И эта безумная страсть нисколько не изменилась со времён каменного века – всё было точно так же: догнать, убить, сплясать вокруг костра (читай – хорошо отметить это дело!) и утащить добычу в свою пещеру!

Так вот, возвращаясь к опасностям этой зоны, следует сказать, что довольно значительная часть этих охотничьих угодий представляла собой болотистую непролазную пересечённую местность, и добраться туда на машине было совершенно нереально – проще на луну слетать, как выразился один из любителей побродить по лесу с ружьём. Поэтому туда и добирались либо по воздуху, либо по реке – и высокопоставленные чины, и главы мафиозных группировок, ну и все прочие, естественно, тоже. Всех боссов Чуриков знал в лицо. Он хоть и жил в основном уединённо, довольствуясь обществом своих собак, но за многолетние наезды охотников успел перезнакомиться уже со всеми начальниками и их приближёнными.

Интернета там, само собой, не было, а современная мобильная связь не только в глуши леса, но и вообще во всё районе, работала крайне плохо – практически никак! Поэтому по всему каннибаловскому краю самым надёжным бесперебойным средством массовой информации с давних пор и поныне оставалось сарафанное радио, и потому все странности, случавшиеся в этих местах, а так же прочие попутно присочинённые слухи, мгновенно становились известны в радиусе многих километров вокруг!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.